

Детишки в доме на холме

Автор:

[Дженнифер Макмахон](#)

Детишки в доме на холме

Дженнифер Макмахон

Саспенс нового поколения. Бестселлеры Дженнифер Макмахон

Что снится чудовищу? Какие у него страхи?

Быть может, ему снится жертва? Или, возможно, раз за разом к чудовищу во сне приходит охотник?

1978 год

Доктор Хелен Хилдрет владеет Приютом – психиатрической клиникой, где занимается некой важной научной работой. Ее внуки Ви и Эрик проводят дни неподалеку от Приюта, смотря классические фильмы ужасов и играя в «охоту на монстров».

«Потому что монстры повсюду», – уверена Ви.

Когда Хелен приводит домой Айрис – их новую сестренку, Ви и Эрик быстро принимают ее в игру, хотя Айрис кажется странной и большую часть времени молчит.

Чтобы разузнать о прошлом Айрис, они решают найти ответы в Приюте.

Наши дни

Лиззи Шелли, ведущая популярных блога и подкаста «Монстры среди нас», отправляется на место пропажи девушки-подростка. Говорят, ее забрало чудовище из озера.

Лизза намерена раскрыть это дело. «Потому что монстры повсюду», – уверена она. А еще в этой истории слишком много совпадений с другими похожими исчезновениями.

«Выдающееся переосмысление "Франкенштейна" Мэри Шелли. Дженнифер Макмахон заставляет нас задуматься, сколько в ее книге от реальности, а сколько – от чистого воображения. Это непременно оценят любители психологических триллеров». – Publishers Weekly

Дженнифер Макмахон

Детишки в доме на холме

Jennifer McMahon

The Children on the Hill

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается всем чудовищам моего детства – воображаемым и реальным.

И только меня, одинокого и несчастного, называют чудовищем, гонят, бьют и топчут. Еще и сейчас кровь моя кипит при воспоминании о перенесенных мною обидах.

Мэри Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей»[1 - Перевод З. Александровой (Здесь и далее – прим. переводчика).]

Чудовище

- 15 августа 2019 г. —

Ее запах в одно мгновение возвращает меня в прошлое.

В то прошлое, когда я еще не знала правды.

Этот запах пьянит. Он сладок и приятен, и в нем лишь едва чувствуется слабый привкус чего-то резкого и кислого. Так бывает, если лизнуть новенький пенни.

Разумеется, я чувствую и аромат виноградного йогурта, который она ела на полдник, и табачную вонь от сигарет, которые она курила тайком, и даже слабый запах вчерашнего водочного перегара (водку она таскает у отца, который прячет бутылку в лодочном сарае: я не раз видела, как они оба незаметно прокрадывались туда, чтобы сделать глоток-другой).

Это живой запах.

Живой и опасный.

А еще мне нравится ее походка. Можно подумать, у нее в пятках пружинки. Так и кажется – стоит ей оттолкнуться посильнее – и она улетит прямо на Луну.

Кстати, о Луне...

Никогда, никогда не смотрите на полную Луну слишком долго!

Вот только ко мне это не относится. Я не оборотень, я – другая.

Правда, однажды я пыталась стать оборотнем.

После того как мы с сестрой посмотрели фильм «Человек-волк», мы отыскали в библиотеке книгу о вервольфах и прочли от корки до корки. Помимо всего прочего там было и заклинание, с помощью которого можно превратиться в волка.

«Нужно попробовать», – сказала сестра.

«Не нужно», – ответила я.

«Разве тебе не интересно узнать, каково это – превратиться в совершенно другое существо?» – спросила она, и вопрос был решен.

В полнолуние, ровно в полночь, мы пробрались в лес, прочитали заклинание, порезали большие пальцы, смешали кровь, выпили волшебной настой и зажгли свечу. Сестра была права – воображать, будто ты трансформируешься в нечто большее, чем раньше, оказалось очень интересно. Потом мы долго бегали по лесу голышом, выли по-волчьи и ели молодые ростки папоротника, представляя, будто это волчье лыко.

Тогда мы думали, что мы, возможно, действительно превратимся в оборотней – в настоящих вервольфов, а не как Лон Чейни-младший, которому для преобразования нужен был парик, резиновая пасть и наклеенные на лицо длинные волосы из хвоста яка (это тоже было в книге. Когда мы с сестрой прочли об этом, мы сказали друг другу: «Бедные яки!», а потом долго хихикали, представляя, как, должно быть, эти волосы воняли!). Но в ту ночь с нами ничего не произошло, и мы почувствовали себя разочарованными. У нас не отросли ни

шерсть, ни клыки, и мы не впали в бешенство при виде полной Луны. Вернувшись домой такими же, как были, – обычными девчонками, мы натянули пижамы и легли в постели, предварительно поклявшись друг другу никогда и никому не рассказывать о нашей попытке.

– Попробуй догадайся, кто я, – говорю я сейчас этой девочке-подростку. Я не собиралась ничего говорить. Слова сами вырвались у меня изо рта, как вылетают из огня искры.

– Ну-у... – тянет она и глядит на меня странно. – Даже не знаю... Может, ты – призрак? Сверхъестественное существо, которое когда-то было человеком?

Она так и говорит – «человечком». Словно все люди – ничтожества, не стоящие никакого внимания. Звучит это немного обидно, хотя когда-то мне самой очень хотелось, чтобы меня никто не замечал.

Я переступаю с ноги на ногу, и моя маскарадная одежда бренчит и постукивает. Волосы растрепанного парика падают на глаза и лезут в рот. От них пахнет пылью.

Девочка мне нравится. Мне очень нравится все, что хранится в ее душе и чего у меня никогда не будет. Я сама никогда такой не буду.

Но больше всего мне нравится то, что будет дальше. Она изменится. Я изменю ее, как изменила уже многих.

Спасу.

– Ну и когда ты исполнишь мое желание? – спрашивает она.

– Скоро. – Я улыбаюсь.

Да, я исполняю желания.

Мне подвластны чудеса.

Я действительно могу дать этой девочке то, чего она хочет больше всего на свете. Проблема лишь в том, что сама она пока не сознает своих желаний.

И мне не терпится показать ей первое чудо.

– Ты хочешь сыграть со мной в какую-то игру? – догадывается она.

– Да! – Я почти кричу. Да-да-да! Это мой любимый вопрос, мое излюбленное занятие. Я знаю много игр и умею хорошо в них играть.

– В какую же? В «Вопросы и команды»? – «Вопросы и команды» – игра для двух и более игроков. Особенно популярна среди детей и подростков. Игроку, до которого дошел ход, дается выбор: правдиво ответить на вопрос, который ему будет задан, или выполнить какое-нибудь задание.]]? – спрашивает она.

– Если хочешь. Только предупреждаю: я сразу пойму, если ты соврешь.

Она пожимает плечами, теребит мочку уха с тремя серебряными сережками и, прищурившись, глядит на меня сквозь слой готического грима: хорошая девочка, которая изо всех сил старается казаться плохой.

– Нет. Давай лучше сыграем в салочки, – говорит она, и я удивлена. На мой взгляд, она уже слишком большая для салок, пятнашек, догонялок и тому подобных игр. – Чур, ты водишь. Если я успею добежать до нашего дома и ты меня не поймашь – я выиграла.

И, хлопнув меня по руке ладонью, она срывается с места.

Я смеюсь. Просто не могу ничего с собой поделаться. Это, конечно, нервы. А еще – удовольствие. Я уверена, что этой девчонке ни за что от меня не убежать. Ее ноги тонки, как спички, а легкие забиты никотином. У нее нет ни полшанса.

Я сильна. Я быстра и вынослива. Много лет я готовила себя именно к таким моментам, и мои тренировки не пропали даром.

Я бегу, бегу, бегу... Я преследую эту красивую девочку в черном худи. Ее светлые волосы с ярко-красными кончиками развеваются на бегу, словно флаг

страны, о которой никто никогда не слышал. Я уже знаю – у девчонки огромный потенциал, но сама она об этом пока не подозревает. Она мчится со всех ног и порой даже взвизгивает от страха и восторга. Она уверена, что успеет добежать до своего дома, ярко освещенные окна которого уже показались между стволами деревьев. Где-то за домом мерно гудит бензиновый генератор – в этой части острова не протянуты линии электропередачи. Девочка думает, что дома, с родителями (которых она ненавидит), она будет в безопасности. Ей еще хочется оказаться в своей теплой постели с фланелевыми простынями, обнять своего старого пса, который начинает ворчать каждый раз, когда чувствует мой запах, – он отлично знает, кто я такая, но этого не будет.

Не будет.

Я быстрее. Мои волосы, в которые вплетены травы и сухие водоросли, развеваются на бегу. Мое одеяние сделано из сухих веток, старых костей, рыбацких сетей, поплавков и стеблей рогоза. Оно постукивает и побрякивает, словно «ветровые колокольчики». От меня пахнет озером и тиной, гнилью и сыростью.

Я легко могу догнать девчонку, даже не особенно напрягаясь. Но я не тороплюсь. Пусть еще немного потешит себя иллюзией, будто она может вернуться к прежней жизни. Ее силуэт мелькает впереди между деревьями, он летит, плывет в воздухе.

И на несколько мгновений я снова чувствую себя ребенком. Мне кажется, что я опять преследую свою сестру, притворяясь, будто я – очередной киношный монстр: Человек-волк, Дракула, Призрак гребаной Оперы и так далее. Вот только догнать ее мне ни разу не удалось.

Но эту девчонку я догоню.

И притворяться мне больше не нужно. Теперь я – настоящий монстр.

Я поймаю девчонку, потому что ни разу не сумела поймать сестру.

Сорок лет прошло с тех пор, а я все еще гоняюсь за ней.

Ви

– 8 мая 1978 г. —

В этом доме обязательно должны водиться привидения, думала Ви, мчась через лужайку к Приюту. Иначе просто не может быть! Стоит только прищуриться как следует, и увидишь перед собой старинную усадьбу или замок вроде того, какой был в том черно-белом фильме про Дракулу. И не имеет значения, что Приют выстроен не из замшелых каменных глыб, а из тускло-желтого кирпича, и здесь нет ни крепостных башен, ни подъемного моста, а из старой колокольни не вырываются по ночам сонмища летучих мышей. Призракам все это не нужно. Они могут жить и здесь, в этом довольно большом прямоугольном доме под старой шиферной крышей, с прочными окнами со ставнями, которые никто никогда не закрывал.

Ви вступила в отбрасываемую зданием тень и почувствовала себя так, словно Приют обнимает ее прохладными руками за плечи, приветствуя старую знакомую. Над парадной дверью была укреплена на стене деревянная вывеска, вырезанная давным-давно одним из прежних пациентов. На вывеске было только одно слово – «Надежда», и Ви вполголоса пробормотала себе под нос слово «spes», которое означало то же самое на латыни. Это был ее секретный пароль, который позволял войти в замок чудовища.

В руках Ви крепко держала тарелку – не легкую пластиковую или бумажную тарелку, а глубокую, фарфоровую, взятую из кухонного буфета. Бортик тарелки украшал узор из цветков подсолнечника, который прекрасно подходил к кухонным занавескам и скатерти. На тарелке лежал сэндвич с ливерной колбасой на ржаном хлебе. Это был ланч, который она приготовила сама и теперь несла бабушке. Ви не любила ливерную колбасу, но бабушка ее просто обожала. На всякий случай Ви налила на колбасу побольше горчицы – ведь это была не просто горчица, а секретное снадобье против монстров. Оно должно было спасти бабушку от вампиров и вервольфов. К сэндвичу Ви добавила немного жареной картошки и маринованных огурчиков и накрыла все это прозрачной пленкой, чтобы ланч не заветрился. Бабушка будет довольна – в этом она не сомневалась. Возможно, она даже скажет несколько слов о том, какая внимательная и заботливая у нее внучка.

Держа тарелку в одной руке, Ви толкнула дверь и вошла в приемную, которую в Приюте называли Общим залом. Выложенный плитками пол зала был укрыт ковром, в углу виднелся камин и стояли два удобных кресла. Общий зал был в здании центральным помещением: влево и вправо от него отходили два коридора, а прямо находилась ведущая на второй этаж лестница. По правому коридору располагались кабинеты и комнаты персонала. Дверь в самом конце вела в Дубовый зал, где проходили встречи и рабочие совещания. По левому коридору находились Оживленный зал, где проводились мероприятия и постоянно работал телевизор, Тихий зал, где можно было почитать книгу или заняться творчеством, Обеденный зал и кухня. Многие пациенты по очереди работали в кухне – чистили картошку, мыли посуду, а в обед разносили блюда в столовой.

На втором этаже располагались двадцать одноместных комнат – «номера», как их называли бабушка и другие сотрудники Приюта. В комнатах жили пациенты. Между Восточным и Западным крылом находились сестринский пост и комната дежурного санитаря.

Дверь слева от главной лестницы вела в подвал. Там Ви еще никогда не бывала, но знала, что в подвале расположены бойлерная, кладовые и другие технические и подсобные помещения. Как сказала бабушка, ни для чего другого эти комнаты все равно не годились.

На левой стене Общего зала висела фотография, на которой были запечатлены все сотрудники Приюта, выстроившиеся перед крыльцом старого желтого здания. В самом центре стояла бабушка – миниатюрная женщина в голубом брючном костюме. И в Приюте она действительно была центром всего – солнцем, вокруг которого обращаются планеты и луны.

Окошко между Общим залом и канцелярией приоткрылось.

– Добрый день, мисс Эвелин, – как можно приветливее проговорила Ви, и ее голос, отразившись от стен, зазвенел серебряным колокольчиком. Дети в Приют не допускались; Ви и ее младший брат Эрик были единственным исключением, да и то лишь в тех редких случаях, когда им удавалось обмануть бдительность мисс Эв.

В Эвелин Букер было около шести футов, она носила кудрявый темно-рыжий парик, часто съезжающий набок, а телосложением напоминала полузащитника профессиональной футбольной команды. За глаза Ви и Эрик называли ее Семафоршей.

Сейчас Ви посмотрела на нее и невольно подумала, какое чудовище может скрываться за этим внушительным фасадом и подействует ли на него горчичное снадобье.

Мисс Эвелин в свою очередь рассматривала девочку сквозь свое окошко и хмурилась так сильно, что ее густо подведенные брови почти сошлись.

«Она – оборотень, – подумала Ви. – Самый настоящий оборотень!»

– Доктор Хилдрет сейчас занята, ее вызвали по срочному делу, – сообщила наконец мисс Эвелин, и из ее окошка вырвался целый клуб сизого сигаретного дыма.

– Я знаю, – Ви кивнула. Была суббота, один из бабушкиных выходных, но утром ей неожиданно позвонил доктор Хатчинс, и она провела на телефоне несколько минут, причем, судя по тону, бабушка пыталась его успокоить. Наконец она пообещала, что сейчас придет и разберется со всем сама.

– Просто она так спешила, что не успела ни позавтракать, ни приготовить себе что-нибудь на обед, вот я и решила принести ей ее любимый сэндвич. – Ви лучезарно улыбнулась мисс Эвелин. Бабушка много работала и нередко бывала так занята, что забывала поесть, а Ви это не особенно нравилось. Ей казалось, бабушка уделяет Приюту слишком много внимания и готова целыми днями существовать на остывшем кофе и сигаретах.

– Оставь его мне, я ей все передам, как только она освободится. – Мисс Эвелин окинула тарелку подозрительным взглядом, и Ви разочарованно вздохнула. Ей очень хотелось самой отдать бабушке сэндвич. Впрочем, она быстро справилась с собой и протянула тарелку в окошко.

Тем временем в зале появился Том с длинной гривой спутанных волос. Увидев Ви, он улыбнулся.

– Эй, Виола-Виолетта, как дела?

Ви его знала. Том был одним из тех, кого бабушка называла «постоянными клиентами». Сколько Ви себя помнила, Том то выписывался из Приюта, то вновь возвращался.

– Дела хорошо, – отозвалась она. – А ты как поживаешь?

– Чешется! – Том сделал попытку почесать руки сквозь рукава больничной куртки, потом расстегнул рубаху и, сопя, принялся скрести ногтями грудь, покрытую густыми черными волосами.

«Вервольф, – подумала Ви. – Как есть вервольф!»

Том скинул куртку и рубашку и принялся расстегивать штаны.

– Эй!.. – В зал вошел Сэл – дежурный санитар. Шея у него была едва ли не толще, чем талия Ви. – Что это ты задумал? Не вздумай здесь раздеваться, ты же не хочешь, чтобы мисс Эв слишком возбудилась?

Мисс Эвелин нахмурилась еще сильнее и с треском захлопнула окошко канцелярии. Ви улыбнулась и, попрощавшись со всеми взмахом руки, покинула Приют. Том в вестибюле продолжал вопить, как сильно чешется у него все тело, а Сэл грозил, что если он сейчас разденется, то не получит печенья на полдник.

Том нравился Ви, даже если он и был вервольфом. Бабушка несколько раз приглашала его домой, и он играл с Ви в шашки.

«Бабушкины сиротки» – так Ви и Эрик называли тех, кого бабушка приводила домой. В основном это были люди, которые прошли курс лечения, но были еще не совсем готовы вернуться в большой мир. Некоторых из них персонал Приюта считал безнадежными, но бабушка не отчаивалась. Однажды она привела человека с головой, сплошь покрытой свежими шрамами. У него была повреждена краткосрочная память, и Ви приходилось то и дело представлять ему заново и напоминать, что он уже завтракал.

«Как тебя зовут?» – с беспокойством спрашивал он каждый раз, когда видел Ви, и она отвечала:

«По-прежнему. Виолетта».

Мэри Д., женщина с рыжими курчавыми волосами, сообщила ей и Эрику, что она пережила уже больше сотни реинкарнаций и прекрасно помнит все свои предыдущие жизни и обстоятельства смерти. «Как-то раз я была Жанной д'Арк, и меня сожгли на костре! Можете себе представить, как это было больно, дети?»

Потом появилась другая женщина, молчаливая, растрепанная, с глубоко запавшими глазами, которая начинала рыдать каждый раз, когда Ви или Эрик с ней заговаривали. Как ее зовут, они так и не узнали и называли просто Плачущей Женщиной.

Иногда гости появлялись в доме, только чтобы пообедать или провести одну-две ночи. Иногда они жили неделями, спали в гостевой комнате и бродили по всему дому в лиловых больничных пижамах, словно привидения. Бабушка часами беседовала с ними в комнате в подвале дома, проверяя их память, когнитивные способности и бог знает что еще. Пытаясь их вылечить, она поила их чаем, играла с ними в карты, сажала в гостиной в кресло с подголовником и заставляла Ви или Эрика угощать их печеньем и занимать разговорами.

«Как поживаете?» «Рада с вами познакомиться».

«Больница, даже такая замечательная, как Приют, – не самое лучшее место для выздоровления, – объясняла бабушка. – Иногда, чтобы поправиться, нашим пациентам нужно оказаться в домашней обстановке. Они сразу начинают чувствовать себя лучше, если к ним относятся как к членам семьи».

В этом она была вся. Казалось, бабушка готова сделать все, что в ее силах, чтобы помочь пациентам выздороветь, дать им возможность ощутить заботу и любовь.

Сама Ви, как и ее брат, были от «сироток» в полном восторге. Эрик даже фотографировал их своим полароидом – разумеется, так, чтобы бабушка не видела. Снимки они хранили в обувной коробке, спрятанной в глубине стенового шкафа в комнате Эрика. К каждой фотографии была прикреплена проволочной

скрепкой небольшая карточка, на которой Ви записывала имя или прозвище пациента, а также все, что им удавалось о нем узнать. Обувная коробка называлась «Картотекой». Надписи на карточках были, например, такими:

«У Мэри Д. рыжие курчавые волосы. Ей это очень идет, потому что больше всего она любит тосты с мармеладом. Она говорит, что постоянно ела мармелад, когда была Анной Болейн – женой короля Генриха, которой в конце концов отрубили голову».

В той же коробке хранился небольшой блокнот, в который они записывали все подробности о других бабушкиных пациентах – о тех, которых никогда не видели, а только слышали. Большинство сведений они подслушивали, когда второй врач Приюта, доктор Хатчинс, приезжал к бабушке, чтобы продегустировать очередную партию ее самодельного джина. Впрочем, и тогда, обсуждая пациентов, они называли больных только по первым буквам имени или фамилии. Ви очень нравилось время от времени листать блокнот и гадать, к кому из бабушкиных «сироток» относятся те или иные обрывки информации.

Если, конечно, они к ним относились.

* * *

Буквально на прошлой неделе она подслушала очередной любопытный разговор. Доктор Хатчинс и бабушка сидели в маленьком каменном патио на заднем дворе их дома и потягивали джин с тоником. Ви спряталась за углом дома.

– Это из моей последней партии номер 179, – сказала бабушка. – Пожалуй, я слегка переборщила с можжевельником, тебе не кажется?

– На вкус просто отлично, – ответил доктор Хатчинс. Он всегда так говорил, когда пробовал бабушкин джин. Ви подозревала, что на самом деле бедняга его вовсе не любил. Пару раз она видела, как он выливал содержимое бокала в цветочную клумбу, когда бабушка ненадолго отлучалась.

Выглядел доктор Хатчинс еще более нервным, чем большинство бабушкиных пациентов. У него была длинная тонкая шея и маленькая голова, на которой росли редкие клочковатые волосы. Ви он напоминал страуса.

Сначала он и бабушка поговорили о погоде, потом о цветах и наконец начали обсуждать пациентов. Ви приготовила блокнот.

– Эта неделя для Д. М. была не самой удачной, – сказал доктор Хатчинс. – Сегодня на групповых занятиях она внезапно напала на Сонни. Чтобы ее скрутить, потребовались усилия трех мужчин.

Сонни был одним из социальных работников. В Приюте он вел занятия по арт-терапии и помогал в гончарной студии. У него были большие усы и пушистые бакенбарды. Иногда он разрешал Ви и Эрику изготавливать в студии небольшие горшки, кружки или пепельницы.

Бабушка погремела в бокале кубиками льда, потом налила из стоявшего на столике кувшина еще порцию джина.

– А в среду у нее было столкновение с Х. Г., – добавил Хатчинс.

– В тот раз ее спровоцировали, – ответила бабушка и прикурила сигарету от своей золотой зипповской зажигалки с выгравированной на ней бабочкой. На другой стороне зажигалки старинным шрифтом была нанесена монограмма «ХХ» – Хелен Хилдрет. Ви услышала шорох кремня, запахло бензином... Бабушка говорила, что курение – плохая привычка и Ви не должна начинать курить, но ей всегда нравился аромат табачного дыма и запах бензина, а больше всего – старая бабушкина зажигалка, которую нужно было регулярно заправлять и менять кремень.

– Она опасна, – сказал доктор Хатчинс. – Я знаю, вы считаете, что в последнее время она демонстрирует некоторый прогресс, но персонал начинает сомневаться, что Приют – самое подходящее для нее место.

– Приют – единственное место, где она может вылечиться. – Бабушка глубоко затянулась и, выдохнув дым, некоторое время следила, как он поднимается вверх. – Придется увеличить ей дозировку торазина.

- Но если она и дальше будет конфликтовать с окружающими...

- Зачем же тогда мы, Тед? Наша работа в том и заключается, чтобы помогать тем, кому никто помочь не может.

Да! - подумала Ви. Да!.. Бабушка была настоящим гением. Она умела добиваться невероятных результатов. Успех сопутствовал ей даже в случаях, признанных остальными безнадежными.

Доктор Хатчинс тоже закурил. Некоторое время оба молчали.

- А как поживает наша С.? - спросил он наконец. - Благополучно?

Ви завершила записи про Д. М. и торопливо открыла чистую страницу для пациентки С.

- О да, - бабушка кивнула. - Ее состояние продолжает улучшаться.

- А как насчет лекарств?

- В последнее время я стараюсь ими не злоупотреблять.

- Галлюцинации?

- Вряд ли. Во всяком случае, ни на что подобное она не жалуется, а может, просто не сознает, что галлюцинирует.

- Это поразительно! - воскликнул доктор Хатчинс. - Потрясающий успех! Вы должны гордиться собой, уважаемая. Вы принимаете все меры, делаете все, что ей нужно. Вы спасли ее!

Бабушка рассмеялась.

- Спасла? Может быть, но... Иногда мне кажется, что она, возможно, никогда не сможет жить нормальной жизнью. Только не после всего, через что ей пришлось пройти. Даже не знаю... Все, что мы можем, это продолжать внимательно за ней

наблюдать и корректировать наши методики. К сожалению, это может затянуться надолго, следовательно, возрастает опасность, что власти или газеты что-то пронюхают.

- Вы думаете, она помнит?.. - осторожно спросил доктор Хатчинс. - Помнит, кто она? Помнит, что совершила?

При этих словах Ви почувствовала, как тончайшие волоски у нее на руках встали дыбом, словно во время грозы.

- Нет, - бабушка покачала головой. - И если говорить откровенно, это только к лучшему. Как тебе кажется?

Они дружно отхлебнули из бокалов, и кубики льда негромко звякнули. Сигаретный дым голубым облаком плыл в воздухе. Продолжая прислушиваться, Ви записала:

«Что могла совершить пациентка С.? Может, она кого-то убила?»

Ей было известно, что в Приюте содержались люди, склонные к насилию, люди, которые совершили ужасные вещи не потому, что они сами были ужасными, а потому, что были больны. Так сказала бабушка.

Но... настоящий убийца? Может, бабушка кого-то прячет? Защищает?

«КТО ТАКАЯ ПАЦИЕНТКА С.?» - написала она в блокноте большими буквами.

* * *

И сейчас, шагая через лужайку Приюта к их большому белому дому, стоявшему прямо через дорогу, Ви снова думала о пациентке С. «Кто она такая?» - проговорила Ви вслух и замолчала, напрягая слух - не будет ли ответа. Иногда, когда она задавала правильный вопрос в правильном месте, ответ бога приходил очень быстро.

Когда бог разговаривал с ней, это было как чудо. Тихий шепот, еле различимые слова, таинственный или, напротив, совершенно отчетливый смысл.

Иногда голос бога был похож на бархатный баритон Нила Даймонда со старых бабушкиных пластинок.

«Я есть», – сказал я, но меня никто не услышал...

Ви часто представляла, как бог сидит там, на небе, одетый в расшитый бусами джинсовый костюм, похожий на тот, в котором Нил Даймонд был изображен на бабушкином любимом двойном альбоме «Жаркая ночь в августе», и глядит на нее сверху. Волосы у бога густые, как львиная грива, а в вырезе куртки видны курчавые волосы на груди.

Были и другие боги. Другие голоса.

Были боги Мелочей.

Бог Мышей и бог Кухонного тостера.

Бог Головастиков.

Бог Кофейного перколатора.

Каждое утро он приветствовал ее звонким, как журчание ручья, голосом. «Доброе утро, Виолетта! Вставай скорее и налей себе чашечку, которую мы приготовили специально для тебя. Сделай глоточек, да смотри не обожгись! Бабушка говорит, ты уже достаточно большая для кофе. Сделай глоток, и я расскажу тебе что-нибудь еще!»

Но сегодня боги молчали. По крайней мере, до сих пор. Как Ви ни напрягала слух, до нее доносились только птичьи голоса и низкое гудение пчел, собиравших мед с ранних весенних цветов.

День обещал быть солнечным, и Ви устроилась в качелях на веранде с одной из бабушкиных книг. На этот раз это был знаменитый «Франкенштейн». Каждый раз, когда Ви заходила в огромную бабушкину библиотеку или крошечную

публичную библиотеку в Фейевилле, она призывала Книжного бога и просила его помочь выбрать следующую книгу для чтения. У бога был тонкий шелестящий голос. Ви вела указательным пальцем по книжным корешкам, пока он не говорил: «Вот эта». Тогда ей приходилось читать всю книгу целиком, даже если она ей не особенно нравилась. Ви давно знала: в каждой, даже самой скучной книге находится тайное послание, адресованное лично ей. Найти это послание бывало не всегда легко, но «Франкенштейн», казалось, был целиком написан для нее. С каждой прочитанной страницей Ви начинала чувствовать себя энергичней и сильнее. Некоторые абзацы она перечитывала по несколько раз и даже подчеркивала карандашом, чтобы потом было легче их найти, когда она станет писать для бабушки свой отзыв о прочитанном (такие отзывы Ви писала почти о каждой книге).

«Никому не понять сложных чувств, увлекавших меня, подобно вихрю, в эти дни опьянения успехом. Мне первому предстояло преодолеть грань жизни и смерти и озарить наш темный мир ослепительным светом»[3 - Мэри Шелли.
«Франкенштейн, или Современный Прометей». (Пер. З. Александровой.)].

Так она раскачивалась и читала, слушая, как мерно поскрипывают качели, пока в конце концов этот скрип не превратился в песню, состоящую из одних и тех же повторяющихся слов: «...ослепительным светом ослепительным светом ослепительным светом...» Ви даже зажмурилась, чтобы сосредоточиться как следует, и вдруг услышала, как кто-то зовет ее по имени:

– Ви! Ви! Ви!

Голос раздавался где-то очень далеко, но постепенно приближался.

Она открыла глаза и увидела своего брата. Голый по пояс, он во весь дух мчался по подъездной дорожке, держа в руках свою красную футболку. В футболке было что-то завернуто, и Эрик бережно прижимал это что-то к груди. Судя по всему, он недавно плакал – на щеках его блестели свежие грязные разводы. Каждый раз, когда Ви видела своего брата без рубашки, ей вспоминались жуткие снимки голодающих детей, которые показывали по каналу «Нэшнл джиографик». Эрик был очень на них похож: слишком большая голова, узкие плечи, выступающие ключицы... Ребра так туго натягивали его тонкую кожу, что на них можно было играть, как на ксилофоне.

Зеленые с желтой полоской гольфы Эрика были натянуты по самые колени, узловатые, как древесные сучки. Голубые матерчатые кеды прорвались на мысках, потертые шорты были сделаны из обрезанных джинсов. Непослушные темно-каштановые волосы напоминали странное птичье гнездо. После длинной вермонтской зимы Эрик был бледным, как свежерезанная картофелина.

– Что стряслось? – спросила Ви, поднимаясь с качелей и кладя книгу на сиденье.

– Крольчонок! Маленький, еще совсем детеныш! – отдуваясь, проговорил Эрик и, продолжая прижимать сверток к груди, отвернул краешек футболки, чтобы Ви могла увидеть коричневатый мех крошечного существа.

Эрик постоянно кого-то спасал: бродячих кошек, сурка, которого он буквально вырвал из пасти соседской собаки, бесчисленных крыс и мышей, которых бабушка использовала для экспериментов в своей лаборатории в подвале. В этом последнем случае речь шла о старых животных, которые уже не могли обучаться премудростям лабиринта, разыскивая лакомства и избегая ударов электрическим током. Лабораторных животных Эрик всегда жалел и даже выпустил из клетки Большого Белого Крыса, который с тех пор жил где-то в стенах их дома (бабушка думала, что он сбежал сам) и время от времени появлялся то тут, то там, но изловить его не удавалось.

Со временем спальня Эрика превратилась в сумасшедший зоопарк, где стояли бесчисленные аквариумы и стальные клетки. Для мышей он выстроил целый город, соединив клетки изогнутыми пластиковыми трубами. Мыши бегали по ним, крутились на колесах, строили гнезда из газет и ваты. В комнате сильно пахло кедровыми стружками, люцерной и мочой, но бабушка не только мирилась с этим домашним зоопарком, но, похоже, была очень довольна и даже гордилась внуком.

– Ты умеешь обращаться с животными, – часто повторяла она с улыбкой. – А они в свою очередь чувствуют добро и умеют его ценить.

О животных Эрик знал буквально все. Он знал их латинские наименования, знал, к какому виду, роду или семейству они принадлежат. Его кумиром был Чарльз Дарвин, и Эрик часто мечтал, что когда вырастет, то поплывет, как он, вокруг света, изучая самых разных животных.

Ви спрыгнула со ступенек веранды.

- Дай-ка посмотреть...

- Бабушка дома? - с надеждой спросил Эрик. Несмотря на то что бабушка была «человеческим», а не звериным врачом, и даже не врачом собственно, а психотерапевтом, лечить раненых животных она умела прекрасно. Она вправляла сломанные кости, накладывала швы и даже делала небольшие операции. Она также знала, когда животное нельзя было спасти, и быстро прекращала его мучения с помощью укола или смоченной хлороформом салфетки.

- Ей пришлось срочно пойти в Приют. Там у нее что-то... - Приподняв ткань, Ви положила руку крольчонку на спинку. Зверек мелко дрожал, а когда почувствовал ее прикосновение - дернулся сильнее. Никакой раны Ви пока не видела, но футболка почти вся пропиталась кровью. Пожалуй, для такого маленького животного ее было даже слишком много.

- Старый Мак застрелил маму-крольчиху из своей мелкашки. Он успел стрельнуть и в детеныша, но тот спрятался в кустах. Там я его и поймал. - Эрик прикусил губу, и по его щекам снова потекли слезы. - Сейчас Мак, наверное, идет сюда, чтобы довести дело до конца. - С этими словами он обернулся и окинул быстрым взглядом подъездную дорожку, дорогу, широкую лужайку и фруктовый сад рядом с Приютом. И действительно, Старина Мак шагал в их сторону - сутулый, худой, оборванный, похожий на огородное пугало в своей широкополой соломенной шляпе и просторных рабочих штанах. В руке он сжимал малокалиберную винтовку. Почему бабушка разрешала садовнику и бывшему пациенту сумасшедшего дома повсюду разгуливать с ружьем, оставалось загадкой. Впрочем, бабушка часто повторяла, что у них не сумасшедший дом, а приют, поэтому порядки там должны быть другими.

«То, что мы делаем, это настоящая революция в лечении душевнобольных», - не раз слышала Ви от бабушки. «Революция?» - подумала она сейчас, глядя на Старину Мака, и почувствовала, как у нее мигом пересохло во рту.

- Отнеси его на кухню, - велела она брату. - Ну, живо!

- А как же Мак? - Эрик испуганно выпучил глаза и сглотнул.

– Не волнуйся, я с ним справлюсь.

Эрик снова завернул крольчонка в футболку, взбежал по ступенькам веранды и юркнул в дверь. Ви осталась на месте; она только уперла руки в бока, глядя, как садовник подходит все ближе. Его челюсти тяжело двигались, словно он никак не мог что-то прожевать.

– Я могу вам чем-то помочь, мистер Макдермот, сэр? – вежливо спросила она, когда Старина Мак подошел достаточно близко, чтобы ее услышать.

– П-проклятые к-кролики сгрызли в огороде в-весь шпинат и капусту! Ни былиночки не оставили! – пожаловался садовник. Он говорил медленно и невнятно, с трудом выговаривая слова. «Это от лекарств», – подумала Ви. Большинство пациентов Приюта получали те или иные седативные препараты, из-за которых их движения и походка часто выглядели странно, а речь делалась неразборчивой.

Мак был высоким мужчиной с обветренным, морщинистым лицом и светлыми, как лед, глазами. Еще он постоянно облизывал губы языком, отчего они трескались и кровоточили.

– С-скажи своему б-братцу принести сюда эту ч-чертову тварь. В доме ей нечего делать.

Он шагнул вперед, но Ви осталась на месте. Она стояла точно посередине вымощенной плиткой дорожки и казалась самой себе заставой на шоссе. Ви только недавно исполнилось тринадцать, и, хотя для своего возраста она была довольно высокой, ее макушка не доставала садовнику даже до плеча. И все же она не попятилась. Бабушка учила ее не горбиться, держаться гордо и прямо... Именно так она сейчас и стояла.

– Если вы поговорите с моей бабушкой, мистер Макдермот, я уверена – она скажет, что не возражает, чтобы в доме были животные. Мой брат часто приносит домой всякую живность, и она совершенно не против.

– И она р-разрешила вам оставить себе этого кроля?

– Спросите у нее сами. Или, если хотите, я схожу в Приют и попрошу ее прийти. Правда, как раз сейчас она занята, поэтому она будет не слишком довольна, что ее отвлекают по пустякам.

Макдермот нахмурился и провел по пересохшим губам отечным языком. Его руки крепче сжали винтовку.

– Я у нее спрошу... попозже.

– Как вам будет угодно, сэр. – Ви улыбнулась самой широкой улыбкой, на какую только была способна. Смешная рожица с точно такой же улыбкой была нарисована на кружке с надписью «Доброго дня!», из которой бабушка иногда пила кофе и джин. Кружку подарил ей кто-то из пациентов.

– И все равно это никуда не годится, – проворчал Старина Мак, поворачиваясь, чтобы уйти. – Держать диких животных в клетках! – И он побрел прочь по подъездной дорожке, положив ствол винтовки на сгиб локтя и что-то бормоча себе под нос.

Дождавшись, пока он отойдет подальше, Ви тоже отправилась в дом. Она была босиком, и плитка, которой была выложена прихожая, приятно холодила ей ступни. На всякий случай она заперла дверь на засов и ненадолго замерла, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Стены прихожей были отделаны поблескивающими ореховыми панелями, легкие французские двери справа вели в гостиную, где находился камин, облицованный резным камнем. Винтовая лестница слева вела наверх. Прохладный воздух пах пылью, старыми книгами и лимонной полиролью.

Из кухни доносилось негромкое бормотание, и Ви направилась туда. Эрик часто разговаривал со своими животными и сам же отвечал за них разными голосами. Он проделывал это настолько ловко, что Ви иногда казалось: когда брат вырастет, ему стоит обратиться на киностудию, чтобы озвучивать мультики, передачи вроде «Улицы Сезам» и другие детские шоу. Например, Эрик невероятно точно копировал голос знаменитого кролика Багза. «В чем дело, док?»

– Эрик, – позвала она. – Ты в кухне?

– Да, – всхлипнул он. Потом до нее донесся тоненький голос крольчонка: – Мне очень страшно! Очень больно!

Ви ускорила шаг и вскоре уже входила в кухню.

Яркий солнечный свет вривался в окно над раковиной. На рабочем столе негромко шипела тиховарка[4 - Тиховарка – керамическая толстостенная кастрюля, установленная в корпус с программируемым электроподогревом, предназначенная для томления блюд при сравнительно низкой температуре.] – на обед они готовили бургеры «Неряха Джо», и кухня пропахла луком, фаршем и острым томатным соусом. На десерт бабушка сделала фруктовое желе, которое застывало в холодильнике.

Закутанного в футболку кролика Эрик по-прежнему держал на руках.

Ви убрала со стола все лишнее, сняла скатерть с узором из подсолнухов и постелила на столешницу чистое посудное полотенце.

– Сажай его сюда. Надо посмотреть, насколько серьезно он ранен.

– Спаси его, Ви! – жалобно попросил Эрик и посадил кролика на полотенце. – Пожалуйста!

Ви осторожно коснулась коричневатой спинки, потом чуть повернула и быстро осмотрела кролика. Насколько она могла судить, пуля не повредила никаких жизненно важных органов, но пропахала довольно глубокую борозду с наружной стороны задней левой ляжки. Кролик сидел совершенно неподвижно и только часто и неглубоко дышал.

– Я думаю, у него шок, – сказала Ви.

– Это опасно?

Она прикусила губу.

– Иногда у человека, который находится в шоке, может остановиться сердце.

– Сделай что-нибудь! – взмолился Эрик.

– Попробую. Не волнуйся, я знаю, что нужно сделать. – Повернувшись, она выбежала в коридор и помчалась на заднюю застекленную веранду, которую бабушка называла «солярием». Именно там они чаще всего играли, занимались творчеством и хранили странные предметы, происхождение или назначение которых оставалось для них загадкой. Там же стоял на столе дистиллятор, с помощью которого бабушка производила свой джин.

Он и сейчас был там, в углу, – безумная конструкция из медных и стеклянных трубочек, колб и бунзеновских горелок. Бабушка мечтала сделать идеальный джин и никогда не прекращала свои эксперименты. Одна из горелок была включена, и в баке что-то негромко булькало, а на веранде резко пахло лекарством.

Но перегонный куб Ви был не нужен. Пройдя мимо него, она потянулась к полкам и почти сразу нашла то, что искала: лагерный аккумуляторный фонарь, который они использовали, когда вырубалось электричество. Сняв его с полки, Ви открыла пластмассовую крышечку на донышке и достала прямоугольную шестивольтовую батарею. Порывшись в ящиках, она нашла несколько подходящих кусочков проволоки.

– Что это ты задумала? – спросил Эрик, когда Ви вернулась в кухню. Маленький крольчонок, которого он слегка гладил по спинке, сидел совершенно неподвижно. Глаза его были закрыты.

– Мы должны быть готовы к тому, чтобы снова запустить его сердце, если оно остановится, – пояснила Ви. – Бабушка сказала, проще всего сделать это с помощью электрического разряда.

Эрик с сомнением покачал головой.

– Можешь не сомневаться, все так и есть, – уверенно сказала Ви. – В теле человека или животного есть своя электрическая система – бабушка, наверное, тысячу раз объясняла нам, как связаны между собой через мозг и нервы разные органы. Наше сердце бьется именно благодаря этой системе – оно получает электрические сигналы от мозга. Но если сердце вдруг останавливается... Помнишь, как в «Приемном отделении» возвращали людей к жизни с помощью

таких подушек, которые на самом деле электроды?.. Это довольно просто, нужно только знать, что делать...

Облизнув губы, Ви подсоединила два провода к большому шестивольтовому аккумулятору и на мгновение зажмурилась, стараясь как можно отчетливее припомнить все, что бабушка рассказывала ей об электричестве и электрических цепях. Однажды Ви сделала из гвоздя, картофелины и проволоки батарею, подключила к ней электрическую лампочку, и та засветилась.

В другой раз бабушка сказала, что в теле человека достаточно электричества, чтобы от него мог загореться карманный фонарик.

И конечно, Ви не могла не вспомнить «Франкенштейна». Не книгу, которую она только начала читать, а кино, в котором доктор Франкенштейн в своей лаборатории оживлял Бориса Карлоффа с помощью мощного электроразряда.

Это была ее любимая сцена в фильме. Гроза, в небе сверкают молнии, а доктор Франкенштейн вытаскивает стол с чудовищем на улицу и ставит вертикально, чтобы в него могла ударить молния. Вспышка. Гремит гром. Доктор Франкенштейн опускает стол и видит, что рука монстра шевелится. «Он живой! Живой!»

– Мне кажется, – сказал Эрик, – я не чувствую сердцебиения.

Ви кивнула и осторожно прижала руки к груди животного.

– Он умер?

– Возможно, не навсегда. – Кролик был еще теплым. Она чувствовала, как он дышит, как подрагивает под ее пальцами, но ей нужно было, чтобы Эрик тоже поверил – поверил в то, что она сумеет реанимировать зверька.

– Думаю, мы сможем его оживить.

– Ты точно знаешь? Ну, что он умер?.. – Эрик принялся раскачиваться на стуле назад и вперед. Сейчас он выглядел совсем маленьким и жалким.

– Разумеется, точно, – отрезала Ви. – А теперь отойди в сторонку.

Эрик прикусил губу. По его лицу снова потекли слезы, и Ви почувствовала себя виноватой. Как она могла быть так жестока к нему, к своему брату? Что же она за сестра?!

И все же Ви постаралась ничем себя не выдать. Повернувшись к крольчонку, она прижала подсоединенные к аккумулятору провода к мягкому меху.

– Проснись! – велела она. – Оживи!

Словно услышав ее, кролик открыл глаза и слабо трепыхнулся, пытаясь прыгнуть вперед.

– Вот видишь? Он живой! – сказала Ви.

Эрик издал восторженный вопль и крепко обнял Ви.

– Я знал! Знал, что у тебя получится! – воскликнул он.

И тут в коридоре раздались шаги. Они приближались.

– Старина Мак! – Эрик в испуге округлил глаза.

Благодееущая Рука Господня...

Подлинная история Приюта на Холме

Автор: Джулия Тетро?. Изд. «Темные миры», 1980

В 1970-х гг. Приют на Холме считался одной из лучших частных психиатрических клиник Вермонта и всей Новой Англии.

Расположенный на вершине лесистого холма в окрестностях небольшого городка Фейевилл на участке площадью около пятидесяти акров, он вмещал не более двадцати пациентов и напоминал скорее загородное поместье, нежели психиатрическую лечебницу.

Больничный комплекс состоял из пяти зданий. Дом, где жил главный врач Приюта, представлял собой белое деревянное здание в стиле греческого возрождения с широкой передней верандой, которую поддерживали резные деревянные колонны. Конюшни, в которых уже полвека не держали никаких лошадей, были переоборудованы в просторные ремесленные мастерские и художественные студии, предназначенные для реабилитации пациентов. Помимо всего прочего, в мастерских имелись гончарная мастерская и специальная печь для обжига керамики.

Рядом с конюшнями стоял сарай, где хранились инструменты и садовый инвентарь, и стоял микроавтобус, на котором пациентов – опять-таки в терапевтических целях – возили на экскурсии на природу.

Каретный сарай был превращен в небольшую уютную квартиру главного администратора.

И наконец, сам Приют представлял собой массивное двухэтажное здание из желтого кирпича с большими, закрывающимися ставнями, окнами и шиферной крышей. В саду у южной стены Приюта пациенты могли работать в хорошую погоду, ухаживая за огородом и помогая выращивать значительную часть овощей и фруктов, которые затем попадали в столовую заведения. Персонал Приюта был твердо убежден в целительной силе свежего воздуха, солнечного света и здорового труда.

Здание Приюта было построено в далеком 1863 году в качестве госпиталя для солдат, сражавшихся на полях Гражданской войны. Большинство пациентов попадали сюда непосредственно из полевых медицинских пунктов: у многих отсутствовали конечности, многие болели тифом или дизентерией. В начале 1900 гг. Приют превратился в туберкулезный санаторий, где больных лечили отдыхом и целебным вермонтским воздухом. Именно в этот период принадлежащая Приюту территория была заново распланирована и облагорожена, а само здание попало в Национальный реестр исторических памятников.

Благодаря всестороннему и гуманистическому подходу Приют на Холме на протяжении многих лет помогал пациентам «обрести себя, получить надлежащее лечение и осознать собственный человеческий потенциал». Это стало возможным благодаря тщательно составленным лечебным планам, включавшим индивидуальную и групповую терапию, медитацию, йогу, занятия искусством и ремеслами, музыку и садоводство. Больные, работавшие в гончарной мастерской, изготавливали чашки, миски, тарелки и кувшины, которые успешно продавались на местных ярмарках и фестивалях. Сделанную в Приюте посуду, которую легко узнать по «фирменной» темно-зеленой глазуровке и клейму мастерской на донышке, можно встретить во многих домах Новой Англии; кроме того, она высоко ценится коллекционерами.

Приют принимал на лечение в основном людей состоятельных, однако в него могли попасть и те, кому нечем было заплатить за уход, а также так называемые «безнадежные случаи» из других клиник. Принятый в Приюте всесторонний терапевтический подход давал превосходные результаты, хотя в те времена он и считался непривычным и новым, чуть ли не революционным. Большинство тех, кто попадал в Приют, не только выздоравливали, но и овладевали навыками и умениями, которые помогали им найти свое место в жизни.

Неудивительно, что врачи и руководители психиатрических клиник со всей страны часто посещали Приют, чтобы познакомиться с новым передовым опытом. Об успехах используемого в Приюте инновационного подхода было написано немало статей и диссертаций.

Для многих работавшие в Приюте специалисты были пионерами нового метода, а сама клиника – местом, где происходили чудеса, а больные обретали надежду.

Вдохновителем и организатором этих чудес была доктор Хелен Хилдрет. Она проработала в этой клинике больше тридцати лет, причем на протяжении последних полутора десятков лет оставалась бессменным руководителем и главным врачом Приюта. Эта невысокая хрупкая женщина, которая к концу 1970-х давно миновала возраст, в каком врачи обычно уходят на пенсию, была смелым новатором в области психиатрии.

«Необходимо всегда помнить, – писала она в статье, опубликованной в «Американском психиатрическом альманахе», – что мы лечим не болезнь, а человека. Именно поэтому наш врачебный долг заключается в том, чтобы видеть не только симптомы, а личность в целом. А чтобы лечение было успешным, нам

надо почаще спрашивать себя: “В чем заключается главный потенциал того или иного человека и как я могу помочь ему раскрыть этот потенциал со всей полнотой?”»

Лиззи

– 19 августа 2019 г. —

На часах – четыре утра, но я просыпаюсь и резко сажусь на кровати. Простыни мокры от пота, подушка валяется на полу, но я не обращаю на это внимания. Напрягая слух, я прислушиваюсь к доносящимся с болот звукам. Меня что-то разбудило. Должно быть, сквозь сон я уловила не то хриплый протяжный вой, не то утробный стон, который заставил меня вскочить. В голове плавает туман, и я совершенно не способна разобраться, что было сном, а что – явью.

Мне приснился очередной кошмар. Еще один сон о ней.

Я посмотрела по сторонам, обводя взглядом знакомую обстановку и пытаюсь успокоиться.

Я была в своем фургоне, в постели, в которой спала каждую ночь, когда отправлялась на охоту. Фургон стоял на краю обширного болота. Я была одна.

Моя рука сама потянулась к небольшому «Смиту» калибра.38, который, убранный в кобуру, лежал на полке над постелью. Револьвер я брала с собой «на всякий случай». Прикосновение к холодной стали меня успокоило, я расслабилась.

Вчера я весь день плавала по болоту на маленькой алюминиевой лодке в компании местного жителя по имени Кайрис, разыскивая следы Монстра Медового острова – таинственного существа, которое, согласно легендам, ходило на двух ногах, имело семь футов роста и было покрыто косматой шерстью. Цвет волосяного покрова варьировался в зависимости от фантазии

свидетеля – он мог быть бурым, рыжим, серым или серебристым. Судя по следам, которые несколько местных жителей якобы видели «своими собственными глазами», пальцы на ногах существа были соединены перепонками. Некоторые утверждали, что глаза у чудовища светятся в темноте красным.

Я провела в этих местах уже три дня, фиксируя свидетельства местных жителей. Кроме того, мне удалось сделать неплохие аудиозаписи странных звуков, которые иногда можно услышать на болотах. Плавая по протокам, я сделала также несколько превосходных фотографий аллигаторов, ибисов, диких свиней, нутрий и енотов. Увы, никаких следов чудовища мне так и не попало. И вот теперь я лежала в своем фургоне и прислушивалась сквозь открытые окна к голосам ночных птиц, всплескам, крикам енотов и другим звукам.

Воздух был густым, насыщенным влагой и с трудом проходил в горло.

И тут я снова услышала разбудивший меня звук – далекий утробный вой.

Аллигатор? Древесная лягушка?

Или... монстр?

Я замерла, прислушиваясь, потом потянулась к своему цифровому диктофону.

Фургон хорош тем, что все здесь находится в пределах досягаемости. Достаточно сделать шаг в ту или другую сторону, чтобы дотянуться до того, что необходимо тебе в данный момент. Что касается звукозаписывающей аппаратуры, то ее я и вовсе держу на полке над изголовьем кровати.

Надев наушники, я включила диктофон на запись и затаила дыхание, прислушиваясь, надеясь, что странный звук раздастся вновь. Микрофон я выставила в окно, предварительно откинув в сторону легкую занавеску.

Ночное небо было испещрено мириадами звезд. Ни ветерка. Казалось, болота, как и я, затаили дыхание и ждут.

Не выпуская диктофона из рук, я выбралась из постели, надела на голову фонарик, сунула за пояс револьвер и, шагнув к боковой двери, сдвинула ее в сторону. Еще шаг, и меня со всех сторон обступила душная, влажная ночь. Не включая фонаря, я осторожно двинулась к краю болота. Заплетенные гирляндами испанского мха кипарисы вставали из воды, словно часовые в серых призрачных плащах. На разные голоса заливались сверчки и лягушки, плеснула вода. Воздух пах гнилью и чем-то первобытным, словно жизнь и смерть, сплетенные воедино.

Когда я подошла совсем близко, вдоль берега скользнула какая-то тень. Я включила фонарик и увидела крупного аллигатора, который бесшумно погрузился в зеленовато-черную воду. Вот он совершенно исчез из вида, над поверхностью остались только глаза, которые холодно наблюдали за каждым моим движением.

«Эрику бы это понравилось», – подумала я, глядя в отсвечивающие красным глаза рептилии.

Но Эрик был сейчас на другом конце страны.

– К тому же он теперь не Эрик! – сказала я вслух, позабыв о том, что запись по-прежнему включена. В результате мой голос тоже запечатлелся на диктофоне.

Идиотка!

Аллигатор погрузился полностью и поплыл прочь.

После того, что случилось, и Эрик и я сменили имена. Эрик стал Чарльзом – в честь своего кумира Чарльза Дарвина. К сожалению, он так и не стал ни натуралистом, ни ветеринаром, ни даже зоотехником, как мы когда-то думали. Сейчас Чарльз жил в Айове и владел агентством по продаже автомобилей. У него были редкие волосы, отвисший живот и скачущее давление (результат увлечения пивом и фастфудом). Одна его дочь училась в колледже, другая заканчивала школу. Жену Чарли звали Сверчок (и это было настоящее имя, не прозвище!), и они любили друг друга до самозабвения. Жили они в одноэтажном доме с голубыми стенами, стоявшем в самом конце тупиковой улицы, знали всех соседей и каждое воскресенье устраивали у себя на заднем дворе барбекю и дружеские посиделки на свежем воздухе. Каждый раз, когда я навещала Чарли

у него дома, я чувствовала себя так, словно оказалась среди декораций для съемки очередного семейного ситкома, но старалась скрывать свои чувства. После всего, через что нам пришлось пройти, мой брат заслуживал спокойной и безопасной жизни. Я была рада за Эрика... то есть за Чарльза. Мысленно я всегда называла его прежним именем. Оно подходило ему гораздо больше, чем Чарльз, Чарли или – еще хуже – Чаки, как иногда называла его Сверчок, словно он был рыжей куклой из фильма ужасов или дагомейцем. Почему дагомейцем?.. Не знаю. Говорят, у них там очень странные имена.

Сама я стала Лиззи. Второе имя бабушки было Элизабет, и мне казалось, я обязана ей слишком многим, так почему бы не сохранить ее память хотя бы таким способом. Что касается новой фамилии, то я выбрала для себя Шелли – в честь Мэри Шелли, разумеется.

Итак, теперь я была Лиззи Шелли. Мне исполнилось пятьдесят три, и мои волосы начинали седеть. Моей профессией стала охота на монстров. Я вела блог в интернете (а теперь еще и популярный подкаст), который я назвала «Книгой монстров» в честь нашего давнего детского увлечения. Я была одной из ведущих в прошлогоднем сезоне сериала «Монстры среди нас» и появлялась в документальном сериале «Живущие в сумерках». Еще я читала лекции в колледжах о роли и значении монстров в современном обществе и объездила всю страну в поисках сасквочей, бигфутов, оборотней, озерных чудовищ, пещерных гоминидов, вампиров, вервольфов, криптидов[5 - Криптиды – животные или растения, существование которых считается возможным сторонниками псевдонаук криптозоологии и криптоботаники, но не признано академической наукой.] и других полумифических существ. Каждый день на форумах моего веб-сайта жители всей страны оставляли сообщения, которые давали мне новые ниточки для поисков, публиковали фотографии и свои рассказы о встречах с неведомыми существами и умоляли меня приехать, чтобы провести полномасштабное расследование. Спонсорские деньги, доходы от рекламы и партнерского маркетинга, гонорары за съемки на телевидении, роялти за публикации, прибыль от рекламной и сувенирной продукции приносили мне больше, чем я могла израсходовать, поэтому я была совершенно свободна и могла в любой момент сорваться с места и отправиться в какой-нибудь глухой отдаленный уголок, чтобы преследовать очередного монстра.

Нет, я не ставила себе задачей изловить бигфута живьем и поместить его в зоопарк. Моя цель была несколько иной – объявить всем громко и внятно: «Чудовища существуют, они живут рядом с нами и среди нас».

Увы, Чудовище Медового острова упорно не желало предоставлять мне доказательства своего существования. Я бесшумно двигалась вдоль края воды, вслушиваясь в звуки, которые улавливал мой микрофон, привычным ухом различая хлюпанье воды под корягами, низкое кваканье лягушек, жалобную перекличку сов, пронзительные трели сверчков. Болота кишели жизнью, и я снова пожелала, чтобы мой брат – не тот мужчина, в которого он превратился, а мальчишка, каким он когда-то был, – оказался сейчас рядом со мной.

Так я шла, осторожно поводя из стороны в сторону головой с закрепленным на ней фонариком, чтобы ненароком не наступить на очередного аллигатора, пока не добралась до прогнившего причала, где была привязана моя алюминиевая плоскодонка. Шагнув в лодку, я села на скамью и застыла неподвижно, вслушиваясь в симфонию болот и вглядываясь в темноту, не мелькнет ли среди кипарисов призрачный силуэт. Так я сидела до тех пор, пока небо не окрасилось бледно-оранжевыми и розовыми красками. Выходило солнце. Чудовище так больше ни разу и не подало голос, но я очень хорошо представляла себе, как оно рыщет где-то в тумане, смотрит, прислушивается, подстерегает.

В конце концов я выключила диктофон и вернулась к фургону.

Этот фургон становился моим домом вне дома во время каждого путешествия. Он обошелся мне в кругленькую сумму, но дело того стоило. Изначально это был «Форд-Транзит» с высоким кузовом, который фирма, занимающаяся тюнингованием автомобилей, превратила в идеальную машину для поисков монстров. В кузове разместились койка, под которой находились вместительные отсеки для хранения одежды и оборудования, небольшой биотуалет, крохотный двенадцативольтовый холодильник, рукомойник со сливом в ведро и с ножным насосом для подачи воды, хранящейся в шестигаллонном баке, а также одноконфорочная газовая плитка. В посудном шкафчике я держала кружку, комбинированную ложку-вилку из титана, кухонный нож, одну миску, одну тарелку, штопор, консервный нож и глубокую сковородку. Мое дорожное меню было самым незамысловатым: овсянка в пакетиках на завтрак, консервированный суп и консервированные овощи на обед и ужин. На десерт я старалась употреблять свежие фрукты, а если мне не хотелось готовить, обходилась бутербродами с арахисовым маслом и джемом.

Пространство вдоль правого борта фургона занимал небольшой стол для ноутбука. В ящиках стола размещались картотека и записывающее оборудование. На крыше были смонтированы две постоянные солнечные батареи

(еще четыре я возила про запас и на стоянках устанавливала их снаружи). Справа от стола стоял переносной источник питания, в который были встроены мощные аккумуляторы и инвертор. Помимо этого я возила с собой небольшой японский электрогенератор и дополнительную канистру с бензином на случай пасмурной погоды, когда солнечные батареи не смогут вырабатывать достаточно электроэнергии для моих нужд. Усилители сигналов беспроводного интернета и мобильной связи позволяли мне поддерживать контакт с окружающим миром, даже когда погоня за очередным монстром уводила меня далеко от цивилизации.

Одним словом, мой фургон позволял мне вести полностью автономное существование на протяжении дней и даже недель, что было, безусловно, очень удобно для человека, посвятившего всего себя охоте за монстрами.

«Можно подумать, ты скрываешься от полиции! – сказал мне не так давно Эрик (Чарли!). – Дома тебя не застать, ты все время в пути, все время куда-то мчишься!» В ответ я только улыбнулась, хотя меня так и тянуло сказать: «Зато ты, дорогой братец, словно увяз в зыбучих песках!»

Положив фонарик и диктофон на стол, я повернулась к плитке, чтобы согреть воду для кофе (я возила с собой большую банку растворимого кофе). Когда кофе был готов, я глотнула густой темно-коричневой горячей жидкости и, придвинув к столу стул, открыла ноутбук, чтобы, немного отредактировав, перенести с диктофона на диск свидетельства очевидцев и записанные на болоте звуки. Потом мне надо будет записать свое предисловие, в котором нужно коснуться истории Чудовища Медового острова и рассказать о своем опыте исследования болота. Я расскажу слушателям о странном вое, который меня разбудил, о том, как я отправилась на поиски чудовища и спугнула аллигатора. Подобные рассказы мне всегда удавались – я умела заинтересовать слушателей напряженным сюжетом и таинственными подробностями.

Пока компьютер загружался, я глотнула еще кофе. Прежде чем начинать работу над подкастом, я открыла почтовую программу, чтобы проверить новые сообщения.

И ахнула...

Кровь зашумела у меня в ушах, а волосы на затылке встали дыбом, словно где-то поблизости ударила молния. Адреналин и азарт прокатились по венам.

Я вывела статью на экран и прочла.

Грин Маунтин Пресс

18 августа 2019 г.

ДЕВОЧКА-ПОДРОСТОК ПРОПАЛА НА ОСТРОВЕ ЧИКЕРИНГ

Полиция разыскивает тринадцатилетнюю Лорен Шумахер, которая бесследно исчезла вечером 15 августа из летнего коттеджа на острове Чикеринг, где ее семья проводила отпуск. Родители девочки считают, что она могла просто убежать из дома. По сообщениям свидетелей, незадолго до исчезновения Лорен рассказала друзьям о том, что повстречала Дженни Погремушку – хорошо известное на острове легендарное существо, которое якобы живет на дне Журавлиного озера.

Лорен Шумахер была одета в обрезанные джинсовые шорты, черную толстовку с капюшоном и черные кеды «Конверс». Ее рост 5 футов 3 дюйма, вес около 100 фунтов, глаза карие, волосы светлые, кончики волос выкрашены в ярко-красный цвет. Всех, кто обладает какой-либо информацией о местонахождении пропавшей девочки, просьба обратиться в Управление полиции штата Вермонт по телефону...

Я несколько раз перечитала статью, потом поискала в Сети еще какую-нибудь информацию об исчезновении, но ничего интересного не обнаружила.

Потом я открыла календарь, чтобы удостовериться...

Да, так и есть.

Легкое покалывание в затылке превратилось в зудение, похожее на сигнал тревоги.

Пятнадцатого августа было полнолуние.

Девочки-подростки всегда пропадали в полнолуние.

Сколько их уже было?

Мне не нужно было заглядывать в мои записи, чтобы ответить на этот вопрос. Лорен Шумахер с острова Чикеринг была десятой. Девочки пропадали в разных частях страны, но всегда в полнолуние и всегда в городке или местности, где было собственное легендарное чудовище. И во всех случаях незадолго до исчезновения они рассказывали кому-то о встрече с монстром.

А еще, как я заметила, все они были из числа тех детей, чье исчезновение не должно было вызвать слишком большого беспокойства. Девочки из неблагополучных семей, девочки, которые связались с подозрительной компанией, девочки, которые курили и прогуливали школу и которые считались «отпетыми» и «безнадежными». Девочки, на которых все давно махнули рукой.

А значит, у каждой из них были причины для бегства.

Кто-то, быть может, скажет, что все это – исчезновения, чудовища, полная луна – просто совпадения.

Как бы не так.

Лично я давно поняла, что все исчезновения указывают на существование одного умного, хитрого, опасного монстра-оборотня.

Самого опасного из всех.

Монстра, которого я преследовала всю жизнь и которому всякий раз удавалось ускользнуть. Я даже ни разу его не видела – только во сне. Во сне он приходил ко мне много, много раз. В жизни я дважды подбиралась к чудовищу достаточно близко, но только потому, что оно мне это позволяло. Годами мы играли в кошки-мышки, в прятки – совсем как в детстве.

Я и моя бывшая сестра...

КНИГА МОНСТРОВ

Авторы: Виолетта Хилдрет и Айрис (фамилия неизвестна)

Рисунки: Эрик Хилдрет

1978

Монстры существуют.

Они живут рядом с нами, и не важно, что мы их не видим.

Существуют два типа монстров.

Монстры первого типа знают, что они монстры. И это даже может им не нравиться. Они презирают и ненавидят себя, но избавиться от своей сущности им не под силу. Монстры первого типа постоянно пребывают в обличье чудовищ и обычно настолько страшны и ужасны, что при виде их люди в страхе разбегаются.

Монстры второго, более опасного типа могут даже не догадываться, кто они на самом деле. Выглядят они как люди или почти как люди, так что на первый взгляд можно не догадаться, кто перед тобой. Многие монстры могут быть привлекательными, как вампиры. Некоторые умеют изменять форму, как вервольфы и оборотни. Эти последние особенно опасны, поскольку могут находиться рядом с вами и даже жить в вашем доме, а вы не будете знать, что это – оборотень.

Ви

– 8 мая 1978 г. —

Ви узнала шаги и затаила дыхание. Бабушка всегда ходила в туфлях на небольшом каблучке, которые громко стучали при ходьбе. Это была ее «докторская», рабочая обувь. Вернувшись домой, бабушка переобувалась, надевая мягкие домашние тапочки.

Потом Ви услышала, как бабушка сказала:

– Сюда... Вот так, верно. Проходи.

Похоже, она была не одна, но с кем?..

Наверное, это Старый Мак со своим ружьем, подумала Ви. Он пришел за крольчонком, а бабушка почему-то не собирается ему мешать.

Мак убьет зверька, это точно. Ви представила, как будет доволен садовник, как он будет облизывать свои тонкие, как у жабы, губы, ухмыляться и приговаривать: «Теперь-то ты не будешь воровать мой салат, маленький негодяй!»

Несколько мгновений она стояла неподвижно, потом, спохватившись, сунула батарею с проводами под стол. Кролик сделал несколько неуверенных прыжков к краю стола, но Эрик успел его подхватить.

– Эрик? Виолетта? – донесся из коридора бабушкин голос.

– Ай! – воскликнул Эрик, отдергивая руку, и едва не выпустил крольчонка. – Он меня укусил!

До сих пор ни одно из животных, которых он спасал, его не кусало.

– Дай-ка я посмотрю...

Он протянул руку. Укус был совсем маленьким и почти не кровоточил.

- Как ты думаешь, теперь я заболею бешенством?

- Может быть, - поддразнила Ви. - И тебе сделают сорок уколов в живот.

У Эрика сделалось такое лицо, словно он снова был готов заплакать.

- Но я сомневаюсь, что у этого кролика - бешенство, - великодушно добавила она, погладив зверька по теплой спинке.

- Где вы, милые мои? - снова раздался голос бабушки. - Куда вы подевались?

Прятаться не было смысла.

- Мы в кухне! - крикнула Ви. - Эрик принес раненого крольчонка. Мы пытаемся его вылечить.

Бабушка пробормотала что-то неразборчивое, но обращалась она не к ним, а к кому-то еще.

- Не бойся, мы не дадим ему тебя забрать, - прошептал Эрик и наклонился над кроликом, словно стараясь заслонить его от опасности. - Старому Маку придется сначала застрелить меня.

Через минуту в кухне появилась бабушка, одетая в песочного цвета брючный костюм с широким ремнем, который она обычно носила, когда ей не нужно было идти на работу. В этом костюме она выглядела так, словно собиралась на африканское сафари, - не хватало только пробкового шлема на голове. Шея бабушки была повязана модным зеленым платком, в руке дымилась сигарета. Курчавые седые волосы, убранные в сетку, образовывали вокруг головы серебристый нимб, на ногах были мохнатые домашние тапочки - бабушка успела переобуться.

- Ну-ка, что тут у вас? - спросила она.

- Крольчонок, ба! Ви его спасла. Старый Мак его подстрелил, но она его оживила. Жаль, что тебя здесь не было, ты бы удивилась!

Бабушка подошла ближе и, щурясь от сигаретного дыма, пристально посмотрела на обоих.

– В самом деле?

Ви рассмеялась.

– Не совсем! Правда, поначалу мы действительно думали, что крольчонок умер, но это был просто шок. Гораздо больше я переживаю за Эрика. Кролик его укусил.

Бабушка внимательно обследовала место укуса. Пока она его рассматривала, Ви метнула на брата предостерегающий взгляд. «Ни слова больше! Пусть это будет наш секрет: мой, твой и кролика!» Она ногой подтолкнула аккумулятор подальше под стол.

– По-моему, ничего страшного, – вынесла бабушка свой вердикт. – Промыть и перевязать. На всякий случай дам тебе таблетку антибиотика.

Потом она перевела взгляд на крольчонка, который по-прежнему сидел на столе. Уверенными движениями она ощупала его раненую лапку.

– Рана неглубокая, несильный ожог пороховыми газами, – поставила она диагноз. – Пара швов, и все будет в порядке. Она поправится.

– Это девочка? – удивился Эрик.

– Вне всякого сомнения, – бабушка кивнула.

– А ты разрешишь мне его... ее оставить?

Бабушка ласково улыбнулась.

– Пока разрешу.

– Но если мы ее отпустим, Старина Мак непременно до нее доберется! – воскликнул Эрик, и его глаза вновь наполнились слезами.

– Мы постараемся этого не допустить, – пообещала бабушка, сжимая плечо внука. Потом она повернулась и посмотрела назад, в сторону двери, через которую только что вошла. – Можешь подойти поближе, если хочешь.

Ви проследила за ее взглядом и увидела на пороге кухни девочку примерно своего возраста или чуть моложе. Определить точнее было довольно трудно из-за ее крайней худобы. На лице и руках темнели старые кровоподтеки, а кожа была такой бледной, что сквозь нее, казалось, можно рассмотреть каждую венку. Одета она была в голубую больничную пижаму, состоявшую из широких штанов на шнурке вместо резинки и уродливой курточки с завязками на спине. Ее темно-каштановые волосы были собраны в неряшливый «конский хвост», на макушке сидела ярко-оранжевая вязаная шапочка, похожая на те, какие носят охотники. На ногах у девочки были грязные тенниски, которые были ей велики размера на два. Ви была уверена, что именно эти тенниски она видела на ногах Старого Мака, когда тот работал в саду.

– Мои внуки нашли крольчонка, – сказала бабушка. – Хочешь посмотреть?

Она поманила девочку рукой к столу, и та нерешительно шагнула вперед. Казалось, она напугана так же сильно, как кролик на столе.

Эрик переводил взгляд с Ви на девочку и обратно, и на его лице был отчетливо написан невысказанный вопрос.

«Кто это? Что происходит?»

Ви знала, что девочка не могла быть пациенткой. В Приюте не лечили детей, только тех, кто достиг восемнадцатилетия.

– Познакомьтесь, дети, это Айрис, – сказала бабушка, строго глядя на внуков. – А это – Эрик и Виолетта.

Ви стояла неподвижно, словно пытаюсь подманить в лесу оленя куском хлеба с солью. Ей казалось – стоит кому-то из них сделать хотя бы малейшее движение,

и Айрис бросится наутек.

Айрис посмотрела на Ви, на Эрика, на кролика, потом сделала несколько шагов в его сторону. Наклонившись над зверьком, она осторожно коснулась пальцами раны у него на ноге.

– Это маленькая самочка. Ее ранили, но мы ее вылечим, – пообещала бабушка. – Ты тоже можешь нам помочь. Хочешь за ней ухаживать?

Айрис никак не отреагировала на обращенные к ней бабушкины слова – ничего не сказала, не кивнула. Опустив голову, она продолжала гладить кролика по спине красными от крови пальцами.

* * *

– Ты говорила, что в Приют детей не принимают, – сказала Ви, когда перед сном бабушка зашла к ней в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи. От нее, как всегда, пахло сигаретами и джином. В руке бабушка держала чашку с «сонным зельем» – одним из своих травяных настоев, которые она каждый день готовила для внуков. Ви сделала глоток. В настой было так много меда, что у нее занули зубы. Бабушка так и не переделась в ночную рубашку и халат, а это означало, что она, скорее всего, снова отправится в Приют. А может, спустится в подвал, чтобы немного поэкспериментировать.

Ви посмотрела на будильник. Начало одиннадцатого.

Новую девочку – Айрис – разместили в гостевой комнате, которая была рядом со спальней Ви. Они поужинали, посмотрели телевизор («Маленький домик в прериях»), после чего бабушка выкупала Айрис в ванне, добавив в воду мыльную пену из розовой бутылки Ви, и дала девочке чистую пижаму (которая раньше тоже принадлежала Ви). После ванны кожа у девочки порозовела, мокрые волосы свисали на плечи из-под грязной оранжевой шапочки. «Неужели она и купалась в ней?» – подумала Ви. Пижамную курточку Айрис застегнула на все пуговицы, но синяки у нее на запястьях и ключицах все равно были видны, а когда девочка за чем-то наклонилась, Ви разглядела у нее на груди свежий шрам, из которого торчали концы хирургических нитей. Перехватив ее взгляд, Айрис резко выпрямилась и зажала ворот рукой. Ви покраснела и отвернулась.

За весь вечер гостя не произнесла ни слова, но Ви ясно видела, что она за ними наблюдает – наблюдает пристально и внимательно, с выражением любопытства и страха на лице. Так человек мог бы рассматривать львиную стаю – он восхищен, взволнован, почти загипнотизирован, но подойти ближе боится. Какие-то таблетки, которые протянула ей бабушка, Айрис проглотила без возражений, запив водой. После этого бабушка велела всем идти спать и сама отвела девочку в гостевую комнату. Эрик тоже отправился к себе, держа на руках раненого крольчонка, которого он посадил в большой аквариум рядом со своей кроватью. Ви хорошо слышала, как за стеной брат поет зверьку колыбельную.

– Ты совершенно права, – спокойно сказала бабушка, присаживаясь на краешек ее кровати. – В Приюте детей не лечат.

Значит, Айрис попала к ним из какого-то другого места? Ви знала, что бабушка работает добровольцем в государственной клинике, которая находилась примерно в часе езды от их дома. Там она занималась реабилитацией людей, которые только что вышли из тюрьмы, но Ви никогда не слышала о том, чтобы в клинике были дети. В основном это были уголовники или наркоманы, которых суд направил на психиатрическое обследование.

– Как правило, не лечат, – добавила бабушка. – Но из каждого правила бывают исключения.

– Кто она? – Ви поставила чашку с горько-сладким настоем на тумбочку и наклонилась к бабушке. – Откуда она взялась? Ее правда зовут Айрис? – Вопросы так и сыпались, но в ответ бабушка только покачала головой и лукаво улыбнулась.

– Ты же знаешь, детка, я не могу тебе этого сказать. – Она убрала со лба Ви упавшие на него волосы, потом потянулась к лежащей на тумбочке щетке. Ви застыла неподвижно, а бабушка, осторожно орудуя щеткой, расчесывала и распутывала ей волосы, негромко напевая слова немецкой колыбельной, которую когда-то пела ей ее собственная мать:

– Guten Abend, gute Nacht...

Колыбельная заканчивалась словами: «Завтра утром, если Бог захочет, ты снова проснешься...»

Но отвлечь Ви бабушке не удалось.

- А она мне скажет?

Бабушка перестала петь и положила щетку обратно на тумбочку. Несколько секунд она молчала, словно внезапно о чем-то глубоко задумалась: взгляд ее ушел немного в сторону, губы сжались.

- Я не знаю, Виолетта, - сказала она наконец. - На данный момент, как ты, наверное, заметила, она не говорит.

- Почему? Она что, немая?

- Насколько я знаю, никаких физических препятствий этому не существует.

- Тогда почему?

- Не знаю, не могу сказать. Но я надеюсь, что рано или поздно Айрис заговорит. Здесь, с нами, она будет поправляться быстрее, и... в общем, там поглядим. А сейчас допивай настой, пока он не остыл.

Бабушка наклонилась, чтобы взбить подушку под головой Ви.

- Между прочим, ты могла бы ей помочь, - добавила она неожиданно. - И ей, и мне.

- Да? А как?

Бабушка улыбнулась.

- Ты - способная и сообразительная девочка. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь ты станешь прекрасным врачом... Ведь ты по-прежнему хочешь стать врачом, правда?

Ви быстро закивала. Да. Да. Да.

– Больше всего на свете!

Она хотела стать врачом с раннего детства, сколько себя помнила, но не психиатром, как бабушка, а хирургом, как отец. Он был лучшим врачом на всем Северо-Востоке – так ей говорила бабушка, которая очень гордилась сыном. Она уже дала Ви несколько уроков по будущей специальности, уча ее вскрывать и зашивать мышей и лягушек. Как она сказала, у Ви была твердая рука и настоящий талант в обращении со скальпелем. Бабушка знала, что говорила: до того как стать психиатром, она училась на хирурга.

– Я очень рада, – сказала бабушка и взяла Ви за руку их особым способом, так что ее пальцы обхватили запястье девочки и слегка сжались, проверяя пульс и сердцебиение. Ви своей свободной рукой повторила это движение. Так они делали, сколько она себя помнила. «Я чувствую твой пульс», – говорила обычно Ви. «А я твой, – отвечала бабушка. – Он ровный и сильный. У тебя хорошее сердце, Виолетта Хилдрет».

– У тебя хорошее сердце, Виолетта Хилдрет, – сказала она сейчас и улыбнулась. Ви, согретая этими словами, улыбнулась в ответ. – Хорошее сердце и сильная воля вдобавок, – добавила бабушка, – и я не сомневаюсь, что ты сможешь мне помочь. Помочь мне и Айрис.

– Но как я могу ей помочь?

– Найди к ней подход. Будь с ней доброй и ласковой. Дай ей почувствовать себя нужной. Отнесись к ней как к сестре.

– Как к сестре... – медленно повторила Ви, словно пробуя это слово на вкус. У нее вдруг появилось ощущение, будто она всю жизнь ждала чего-то подобного, сама толком не зная, чего именно ждет... до этого момента.

Сестра!..

– Еще одно, Ви... – проговорила бабушка очень серьезным тоном, беря с тумбочки пустую чашку. – Если Айрис заговорит и начнет тебе что-то рассказывать, я

должна знать – что. Ты должна будешь каждый день давать мне полный отчет...

Отчет!.. Это прозвучало очень официально, словно бабушка отдавала распоряжение персоналу Приюта.

– Как тебе кажется, ты сможешь? Тебе не надоест?

– Что ты, ба! – воскликнула Ви. – Если хочешь, я могу их даже печатать, эти отчеты!

У нее была настоящая «Смит-Корона», которую бабушка подарила ей на день рождения. Ви очень нравилось, как щелкают клавиши, нравилось, как звонит звоночек в конце каждой строки, нравился запах масла и краски.

Бабушка снова улыбнулась.

– Думаю, в этом нет необходимости – устных докладов будет достаточно. Только не нужно говорить об этом Айрис, пусть она пока ничего не знает. Со временем вы, быть может, даже подружитесь, и мне не хотелось бы, чтобы из-за этого она перестала тебе доверять. Ты меня понимаешь?

– Да. – Ви кивнула с самым серьезным и «взрослым» видом, какой она только смогла на себя напустить.

– И еще, Ви... – сказала бабушка, и по ее лицу скользнула какая-то тень. – Я не хочу, чтобы в ближайшее время Айрис отходила далеко от дома. Пока не надо. Можете вместе играть во дворе и гулять в лесу, но нигде больше! Не вздумайте брать ее с собой в город. И ни в коем случае не приводи ее в Приют.

– Почему?

– На данном этапе с нее хватит новых впечатлений. К тому же сейчас важнее всего создать для нее уютную, безопасную обстановку. Я хочу, чтобы здесь, в нашем доме, она чувствовала себя... как дома. Понятно?

– Вполне.

– И последнее, детка... О том, что Айрис живет у нас, нельзя никому рассказывать. Это секрет. Пусть об этом никто не знает, даже мистер Макдермот.

Ви слегка нахмурилась. Почему присутствие Айрис в доме нужно держать в секрете? Она хотела задать этот вопрос бабушке, но, бросив взгляд на ее лицо, поняла, что та не расположена что-то объяснять. Во всяком случае, не сегодня, поэтому Ви только кивнула.

– Хорошо.

«Главное, у меня теперь есть сестра, – подумала она. – Секретная сестра!»

Когда бабушка ушла, Ви легла на бок и посмотрела на часы на тумбочке: светящиеся цифры на табло как раз перескочили с 10:13 на 10:14. Фарфоровый ночник в виде совы с мерцающими зелеными глазами был выключен, но она чувствовала, что птица продолжает за ней наблюдать. Рядом с совой стояла в рамке фотография ее родителей – точно такой же снимок был и в спальне Эрика. В спальне бабушки находилась другая фотография, на которой были запечатлены она и ее муж: красивые, молодые, они стояли рядом, и дедушка нежно обнимал бабушку за плечи. Бабушкин живот заметно округлился, и Ви часто думала, что на снимке есть и ее папа. Его еще не видно, но он уже есть – там, внутри бабушки, – и только и ждет нужного момента, чтобы родиться, вырасти, встретить девушку по имени Кэрлайн, жениться и произвести на свет Эрика и Ви.

Ви долго смотрела на родительское фото, слабо освещенное желтыми цифрами электронных часов, – на мать, темноволосую, улыбающуюся, на отца, красивого, как кинозвезда. Его длинные пальцы хирурга лежали у матери на плечах. Ви рассматривала снимок почти каждый вечер, ища сходства и пытаясь подстегнуть собственную память.

От бабушки она знала о родителях довольно много. Так, бабушка рассказывала, что родители решили назвать ее Виолеттой, Виолой, потому что, когда ее привезли домой из роддома, ее глаза были такого глубокого темно-синего оттенка, что казались почти фиолетовыми.

Знала Ви и об автокатастрофе, в которой погибли родители. Они всей семьей возвращались домой из домика в горах, где проводили каждое лето. Домик стоял на берегу горного озера с такой прозрачной водой, что даже в самых глубоких местах можно было рассмотреть лежащие на дне камни и сосчитать всех рыб. Ви много раз пыталась вспомнить озеро, вспомнить этих рыб и камешки. Она даже молилась богу Воспоминаний, и несколько раз ей казалось, что она помнит, как плывет по этому озеру в детском голубом спасательном жилете и видит под собой зеленоватые рыбы спинки, а рядом не спеша плывет ее мама.

Несколько раз Ви пыталась припомнить и аварию, но в голове возникала какая-то путаница. Образы озера и рыб под водой соединялись с визгом тормозов, треск бьющегося стекла и пронзительный скрежет раздираемого металла смешивались с плеском маленьких волн о прибрежную гальку, а негромкий смех матери вызывал стеснение в груди, на которую давил то ли надувной плавательный жилет, то ли автомобильный ремень безопасности, который и спас ей жизнь.

Несколько раз она спрашивала у брата, что он помнит о той аварии, но Эрик сразу отворачивался и, по-черепашьи втянув голову в плечи, отвечал коротко: «Ничего». Он вообще не любил говорить о том, что было до аварии.

Ви перевернулась на спину, просунула руку под одеяло и, задрав подол пижамной курточки, провела пальцами по шрамам на груди и животе.

Потом она вспомнила Айрис, на груди которой она заметила свежий хирургический шов.

– Сестра!.. – сказала Ви в темноту. – Моя сестра!..

Лиззи

– 19 августа 2019 г. —

Обратная дорога из Луизианы заняла почти десять часов. Был уже вечер, когда я поднялась на крыльцо своего дома и, отперев входную дверь, шагнула в прихожую, где знакомо пахло кофе, деревом и книгами.

Этот дом, точнее, небольшую обветшалую хижину вблизи Эшвилла в Северной Каролине, я купила десять лет назад и полностью ее отреставрировала. Мне всегда нравилось необработанное дерево, поэтому стены в моем доме были отделаны соединенными в шип дубовыми панелями местного производства, а полы были из досок, которые я купила при разборке старого сарая для сушки табачных листьев. Дом был совсем небольшим – чуть больше тысячи квадратных футов, но в нем было все необходимое, и мне он подходил идеально. Окна в восточной стене выходили на город, западные окна глядели на холмы Теннесси. В случае необходимости я могла бы доехать до центра Эшвилла минут за двадцать, но здесь, на гребне холма, в окружении деревьев, я чувствовала себя так, словно нахожусь в другом мире.

Или в другом времени.

Поставив дорожную сумку на пол, я подошла к корзинке для почты. Помимо нескольких научных журналов и множества деловых писем, там оказалась записка от моей помощницы Фрэнсис, которая приходила раз в неделю, чтобы помочь разобраться с электронной почтой, сайтом, кое-какими организационными вопросами и всем остальным. Когда я бывала в отъезде, она привозила почту, приходившую на арендованный почтовый ящик в городе, и присматривала за домом.

Я развернула записку.

«Добро пожаловать домой! – писала Фрэнсис. – Организаторы конференции “Таинственные обитатели плато Озарк[6 - Плато (горы) Озарк (Озарки) – холмистое плато, большая часть которого расположена в южной части штата Миссури и на севере штата Арканзас. Одно из самых живописных мест в стране. Здесь сохранился традиционный уклад жизни; местные легенды – важная часть американского фольклора.]” просят подтвердить Ваше участие 28–29 сентября и уточнить, какое мультимедиаоборудование может понадобиться Вам для выступления.

Университет Сан-Франциско предлагает Вам прочитать в октябре краткий цикл лекций в качестве приглашенного специалиста. Подробности – в электронной почте.

Напоминаю, что в следующую среду Вы должны сдать готовую статью «Криптосущества: легенды и реальность».

И ЕЩЁ: Брайан звонил и писал Вам раз сто. Он грозитя, что на следующей неделе лично приедет в Эшвилл, пригласит Вас на ужин и сделает предложение, от которого Вы не сможете отказаться».

Отложив записку, я покачала головой. Брайан Мандо был продюсером сериала «Монстры среди нас». Я была одной из трех исследователей, о которых рассказывалось в прошлом сезоне, и Брайан утверждал, что у зрителей я пользовалась наибольшей популярностью. Естественно, он хотел, чтобы я приняла участие в съемках следующего сезона. Кроме того, у него появилась идея сделать несколько передач, посвященных мне лично. Правда, передачи эти он планировал показывать исключительно в Сети, но мне от этого было не легче – времени хронически не хватало, поэтому от обсуждения этой идеи я всячески уклонялась. От съемок в «Монстрах» я тоже отказалась.

Была и еще одна причина. Мне нравилось вести мой блог и подкасты, писать посты и статьи и даже читать лекции, но перед объективом камеры я чувствовала себя крайне неудобно. Резкий свет, грим на лице, бесчисленные ассистенты, которые велят мне, куда идти и что делать, – все это производило впечатление чего-то искусственного и ненатурального.

Вернувшись за сумкой, я отнесла ее на второй этаж, где находилась моя спальня. Там я вывалила грязную одежду в корзину и стала укладывать в сумку чистую. Нужно было действовать быстро – каждый час промедления увеличивал возможность неудачи, и мне не хотелось мешкать. Я рассчитывала, что если отправлюсь в путь сегодня же, то смогу быть на острове Чикеринг уже завтра к полудню.

Стены моей спальни, отделанные, как и внизу, дубовыми панелями, были украшены афишами классических фильмов ужасов – «Франкенштейн», «Невеста Франкенштейна», «Человек-волк». В комнате стояли кровать и туалетный

столик, на окне – горшок с кактусом, единственным растением, которое я, постоянно пребывая в разъездах, не боялась засушить на корню. Над кроватью был сделан большой световой люк, благодаря которому я могла засыпать, глядя на знакомые созвездия, которым мы в детстве придумывали свои названия: Горбун, Кинг-Конг, Вампиры... Полное небо чудовищ!

Уложив вещи, я отнесла сумку вниз.

На первом этаже, кроме гостевой спальни, располагались небольшая, но удобная кухонька (я, впрочем, никогда не была большой любительницей готовить, да и не особенно умела), ванная комната с винтажной ванной на бронзовых львиных лапах и просторная гостиная-офис, где я проводила больше всего времени, когда бывала дома. Здесь висели на стенах еще несколько афиш к фильмам «Дракула» с Белой Лугоши, «Тварь из Черной лагуны», «Мумия». В углу я поместила и рекламу документального сериала «Живущие в сумерках», в котором снималась два года назад. Ее прислал мне Брайан. Это была группа фигур, выполненных в полный рост, из плотного картона с фотографическим изображением Марка, Джексона и меня (Марк и Джексон были еще двумя исследователями, о которых рассказывалось в последнем сезоне «Живущих в сумерках»). Выглядели мы как настоящие «охотники за привидениями» – Джексон держал в руке фонарик, Марк вооружился прибором ночного видения, а у меня в руках был микрофон. Подпись внизу гласила: «Они существуют, и они уже здесь».

Откровенно говоря, я хотела отправить фигуры прямиком в мусор, но Фрэнсис убедила меня этого не делать, но вот какие доводы она при этом приводила, я, убей бог, не помнила. Кажется, там было что-то насчет того, что мы трое выглядим достаточно реалистично, чтобы отпугнуть грабителей, если они вдруг заберутся в дом.

Сейчас я посмотрела на своего картонного двойника. Да, именно в таком виде я снималась в сериале: черная футболка, потертые «левайсы», высокие ботинки, старая кожаная куртка и толстый слой театрального грима на лице.

– «Любимица телезрителей...» – проговорила я вслух и покачала головой.

На стене над рабочим столом висел мой диплом Университета Северной Каролины, где я обучалась антропологии и психологии (вторая,

непрофилирующая дисциплина) и где получила степень магистра искусств в области фольклора. «Что говорят о нас наши легенды о чудовищах» – так называлась моя диссертация. Рядом с дипломом я прикрепила несколько фотографий: моментальный снимок с какого-то конвента, где я стою с группой одетых монстрами энтузиастов, моя фотография с главным режиссером «Живущих в сумерках» Рэйчел Лавленд, фото с моего выступления на конференции фонда ТЭД[7 - Фонд ТЭД (TED) – американский частный некоммерческий фонд, известный прежде всего своими ежегодными конференциями по технологиям, развлечениям и дизайну.], где я рассказывала о роли и значении монстров в современном обществе, а также мой любимый снимок, на котором мы с братом, приехавшим навестить меня пару лет назад, катаемся на велосипедах в горах Блуридж.

Часть стен в гостиной занимали самодельные книжные полки и стеллажи, которые буквально ломались от книг, энциклопедий и справочников по мифологии, фольклору, антропологии, уфологии и другим дисциплинам. Была здесь и художественная литература, в том числе бабушкин «Франкенштейн» – единственная сохранившаяся у меня моя детская книга, которая стояла между «Дракулой» и «Странной историей доктора Джекила и мистера Хайда». До сих пор на страницах можно было разглядеть тонкие карандашные линии – это я подчеркивала поразившие меня строки.

«Мне первому предстояло преодолеть грань жизни и смерти и озарить наш темный мир ослепительным светом»[8 - Мэри Шелли. «Франкенштейн, или Современный Прометей». (Пер. З. Александровой.)].

На нижних полках стояли авторские экземпляры моей книги «Спутник охотника за чудовищами», опубликованной пять лет назад. После того как я появилась в «Монстрах среди нас», продажи книги резко возросли (издатель снабдил очередное издание кинообложкой). Насколько мне было известно, за последние полгода было продано больше экземпляров, чем за предыдущее пятилетие.

Достав мобильник, я отправила Фрэнсис короткое сообщение:

Работу в Луизиане пришлось прервать. Ненадолго заехала домой, сейчас отправляюсь в другое место.

Через пару секунд пришел ответ:

Новый монстр?

Монстр старый, след новый.

Когда вернетесь?

Не знаю. Держи оборону, пока я не вернусь. Сможешь?

В ответ Фрэнсис прислала мне картинку-эмодзи с поднятыми вверх большими пальцами. Спустя секунду аппарат снова пискнул:

Как быть с Брайаном?

Я вздохнула.

Скажи ему, – написала я, – что я уезжаю на охоту очень далеко – туда, где нет мобильной связи, – и что ты не знаешь, когда я вернусь.

Нельзя же до бесконечности кормить его завтраками.

Я не собираюсь ничем его кормить. Я ему уже все сказала, просто мой ответ ему не по душе.

Он упрямый.

А я упрямее.

В ответной эсэмэске Фрэнсис прислала мне смайлик и пожелала удачи. «Разговор» я закончила, написав ей, что оставляю очередной чек в почтовой корзинке. Признаться, мне было немного неловко от того, что единственный человек, с которым я регулярно встречалась, с которым проводила больше всего времени и который был мне, наверное, ближе многих и многих, является моим наемным работником. Но ведь это был мой выбор, не так ли?.. Мой образ жизни почти не оставлял мне времени для общения ради общения, и меня это вполне устраивало. Так, во всяком случае, я себе твердила, поскольку каждый раз, когда я пыталась установить более тесную духовную связь с симпатичными мне людьми, я рано или поздно начинала чувствовать себя так же, как чувствовала себя на съемочной площадке или в студии под объективами камер – актрисой, исполняющей чужую роль.

Убрав телефон в карман, я под села к столу, открыла нижний ящик и достала толстую папку, в которой держала собранные мной за много лет материалы: фотографии пропавших девочек, газетные статьи, копии полицейских отчетов и мои собственные заметки.

Сама я ни за что бы не поняла, что происходит. В 2002 году я работала на севере штата Нью-Йорк, расследуя многочисленные сообщения о появлении в этих местах непонятного существа, которое многие описывали как человека-свинью. Шериф, с которым я разговаривала, сообщил мне, что местные жители считают существо результатом правительственных генетических экспериментов по созданию гибридов между человеком и животными.

Услышав эти слова, я согласно кивнула. Рукотворные монстры представляли собой отдельную категорию чудовищ. Мне уже не раз приходилось расследовать

случаи, в которых речь шла о гибридах между инопланетянами и человеком, о волках с человеческой ДНК, о солдатах-зомби, которых нельзя убить с помощью обычного оружия. Я выслушивала бесчисленные истории, разглядывала размытые снимки, на которых трудно было что-либо разглядеть, но так и не собрала никаких неопровержимых доказательств существования упомянутых монстров.

Откровенно говоря, мне вообще не удалось найти ни одного реального доказательства существования чудовищ, за которыми я охотилась. Я собирала рассказы, легенды, показания, фотоснимки, сделанные случайными свидетелями, разглядывала гипсовые отливки следов, держала в руках стеклянные банки, в которых лежали клочья странной шерсти. Опрашивая очевидцев, я часто с завистью думала: ну почему, почему ему, а не мне повезло оказаться в нужном месте в нужное время? Самой мне удалось только записать на диктофон несколько странных звуков – далекий вой, протяжные стоны, но они неизменно казались мне не столько пугающими, сколько печальными, почти тоскливыми. Я часами скиталась в лесах, бродила по кукурузным полям, мерзла в заброшенных шахтах и брошенных домах, сидела на берегах рек и озер и ждала, мечтая о том, чтобы чудовище или призрак хоть на мгновение показались мне на глаза. Я упорно преследовала их год за годом, буквально наступая им на пятки, но никак не могла настичь. Порой мне мерещились их тени, но ни одного монстра я так и не увидела.

Тогда, в Нью-Йорке, шериф выложил мне все, что было ему известно о человеке-свинье. «У него тело человека, а голова как у кабана, и он не разговаривает, а только хрюкает и визжит. Люди говорят – он сбежал из секретной правительственной лаборатории на Плам-Айленд и пробрался сюда. Здесь у нас много густых лесов, ему есть где укрыться». Он так и не признался, что верит в существование человека-свиньи, но и не заявил, что все это, мол, полная чушь. Когда я спросила, видел ли он чудовище своими глазами, шериф ответил уклончиво. «Если проводить в наших лесах слишком много времени, можно еще и не то увидеть», – сказал он, но распространяться не стал. Я задала ему еще несколько дежурных вопросов, и моя интуиция неожиданно проснулась, когда шериф упомянул о Наде Хилл. «Девчонка, которая пропала в прошлом году, тоже говорила подругам, будто она несколько раз видела человека-свинью в лесу. Местные говорят, будто он ее и забрал. Это было аккурат в полнолуние. Считается, что в это время тварь особенно голодна».

«Но что произошло с Надей на самом деле? – спросила я. – Ее нашли?»

Глядя себе под ноги, шериф покачал головой.

«Нет. И никаких следов или останков мы тоже не обнаружили. Считаю ли я, что человек-свинья утащил ее к себе в берлогу, чтобы она рожала ему маленьких детенышей-поросят? Нет, конечно. Все это детские сказки. Я считаю, что Надя просто убежала из дома. Обычная история».

Историю Нади я разместила в своем блоге, в подкасте о человеке-свинье. Мой рассказ буквально взорвал аудиторию. «Действительно ли на севере штата Нью-Йорк обитает монстр, который похитил девушку?» – спрашивали одни. Другие делились странными слухами о пропавших, в основном – детях и подростках, которых утащили другие монстры: в Мэне одного мальчишку уволокла в лес странная пантероподобная тварь с огромными клыками, девочка-подросток потерялась в пещере в Кентукки, когда ее позвала за собой женщина в серебристом платье, которую никто, кроме нее, не видел.

И так далее.

Большинство из этих слухов слухами и были, но некоторые истории заставляли насторожиться. Они не отпускали, застревали в памяти, покалывая мозг невидимыми иголками.

А потом я получила электронное письмо от пользователя, который скрывался под ником ДЕ_МОН.

«Что-то ты плохо соображаешь, сестренка. Надя Хилл была не первой, и не она будет последней. Попробуй-ка меня поймать, Охотник за Монстрами! Или слабо??»

Ответ я написала немедленно:

«Это действительно ты?»

Но мой мейл вернулся ко мне недоставленным. «Адрес не существует».

Я с головой ушла в новый поиск. Часами я сидела в интернете и вскоре обнаружила нескольких девочек-подростков, которые исчезли в полнолуние. И все они были из городков, где обитал собственный легендарный монстр.

Самый ранний установленный мной случай относился к 1988 году.

Тринадцатилетняя Дженнифер Ротчайлд исчезла из маленького городка в штате Вашингтон, где много раз замечали отпечатки ног бигфута. По сведениям местной газетенки, Дженнифер рассказывала друзьям, что видела в лесу чудовище и даже разговаривала с ним. Исчезла она в сентябре, в ночь полнолуния. Окрестные леса прочесывали полиция с собаками, отряды добровольцев и родственники, но никаких следов девочки обнаружено не было. С тех пор никаких известий о Дженнифер или ее местонахождении не поступало.

Потом в 1991 году из Фармингтона в Нью-Мексико исчезла пятнадцатилетняя Ванесса Моралес. Она тоже сообщила подругам, что встретила человека-пса, который назначил ей свидание в полнолуние. Больше ее никто никогда не видел.

В 1993 году Сандра Новотны из Флэтвуда в Западной Виргинии показала друзьям размытую фотографию Флэтвудского лесного человека, которую ей удалось сделать с помощью своего фотоаппарата. В полнолуние она отправилась в лес, надеясь сделать более удачный снимок монстра, – и пропала бесследно.

Шестнадцатилетняя Анна Ларсон из Элхорна в Висконсине пропала в сентябре 1998-го, после того как рассказала своему младшему брату, что встретила Чудовище с Брей-роуд, которое сказало ей, что она – избранная.

Надя Хилл из штата Нью-Йорк стала пятой.

Помимо поисков в интернете, я посетила городки, где жили исчезнувшие девочки, и под предлогом сбора материалов для моего подкаста побеседовала с местными жителями, с друзьями и родными. Я обыскивала леса и пустоши, где они исчезли, но так ничего и не обнаружила.

Монстр – мой монстр – был слишком хитер, чтобы оставлять улики и следы.

Одно время я тешила себя надеждой, что кто-то из пропавших девочек объявится и поведаст свою историю, но этого так и не произошло. Не было найдено ни трупов, ни личных вещей. Девочки как будто растворились в воздухе.

К федеральным властям я не обращалась. Я была уверена: к тому, что я могу сообщить, они отнесутся точно так же, как местная полиция. А местная полиция была убеждена, что все пять жертв просто убежали из дома. Нет, никто из представителей власти не был склонен выслушивать безумные теории спятившей блогерши, которая зарабатывает на кусок хлеба с маслом охотой на монстров. Я не сомневалась: как только они выяснят, кто я и откуда, они поведут себя единственным возможным образом, так что с правоохранителями – любыми правоохранителями – мне было не по дороге.

Пришлось взяться за расследование самой. Я изъездила всю страну, искала, охотилась, но все впустую.

Время от времени я получала электронные письма от того же отправителя – ДЕ_МОН, но с разных адресов. И во всех случаях ее письма были загадочными, таинственными, дразнящими. Иногда они почти дословно цитировали «Книгу монстров», которую мы писали в детстве: «Они могут выглядеть как люди, так что на первый взгляд можно не догадаться, кто перед тобой». Иногда это был вопрос: «Ну что, ты так и не догадалась, почему я делаю то, что делаю?» Порой же она просто издевалась надо мной: «Эй, ты была совсем рядом, но, как всегда, ничего не заметила!»

Все мейлы от ДЕ_МОН я распечатала; они тоже лежали в моей папке. Сейчас я пролистала их, остановившись на последнем послании, полученном примерно три месяца назад.

«Ты еще не устала от этого? От детской игры в кошки-мышки, в которую мы играем? Вот только кто из нас кто, сестренка? Кто кошка, а кто – мышь?»

Захлопнув папку, я убрала ее в сумку, а сама пошла на кухню, чтобы сварить кофе. Прямо сейчас кофе мне был ни к чему – и без него я чувствовала себя достаточно взвинченной, но в дорогу я всегда брала с собой полный термос,

особенно если мне – как в этот раз – предстояло ехать всю ночь. Пока закипала вода, я достала из кармана телефон. Я знала, что без этого звонка вполне можно – и нужно! – было обойтись, но мне вдруг очень захотелось услышать голос брата.

– Привет, – сказал он, беря трубку.

– И тебе привет, – ответила я.

– Как дела в Луизиане? Поймала свое болотное чудище? – В его голосе прозвучала насмешка: Чарли больше не верил в монстров.

– Я не в Луизиане.

– А где? Мне казалось, ты хотела остаться там до конца недели. Что-нибудь случилось?

Мне совсем не хотелось ничего ему говорить, и в то же время меня неудержимо тянуло рассказать кому-нибудь, признаться, исповедоваться... Кому же еще, как не брату?

– Я у себя, в Эшвилле, – сказала я наконец. – Но совсем скоро мне снова придется уехать... – Я немного помолчала, потом все-таки заставила себя договорить: – Я еду в Вермонт.

В трубке воцарилась такая тишина, что мне показалось – звонок сорвался. Наконец он сказал:

– Зачем ты туда едешь?

Его голос прозвучал на полтона выше, чем обычно. Это был голос маленького мальчика, который в одно мгновение отправил меня в обратное путешествие во времени. Закрыв глаза, я представила себе Эрика, каким он был когда-то: худой как жердь, зеленые гольфы натянуты до колен, волосы торчат в разные стороны. Мальчишка, который постоянно возился с дикими животными, пытаюсь приручить, вылечить, помочь.

– Я думаю, она – там. – Я ничего не стала объяснять, но этого и не требовалось. Эрик прекрасно знал, о ком я говорю. – Пропала еще одна девочка, – добавила я. – Как и остальные – в полнолуние, как и остальные – из городка, где видели монстра. Картина та же самая.

Эрик – член «Клуба монстров» и иллюстратор нашей книги – должен был понять меня с полуслова.

Последовала еще одна долгая пауза, но на этот раз я слышала, как он дышит. Эрик слегка похрипывал при каждом вдохе, и меня это обеспокоило – так дышат старики, а мой брат был еще далеко не старик. На заднем плане работал телевизор – передавали бейсбол. Несомненно, играли его любимые «Тигры». Потом звук стал тише, а хрипловатое дыхание – громче, и я поняла, что Эрик куда-то вышел, чтобы его не могли услышать Сверчок и дочери. Словно в подтверждение этой моей догадки, стукнула закрываемая дверь.

– Послушай меня, Лиззи... – Его голос был резким и твердым, но по-прежнему очень тихим. – По-моему, ты хватаешься за соломинки. Видишь улики там, где их нет и быть не может. Мне кажется, ты утратила перспективу и...

– Ничего подобного, – перебила я. Я всегда гордилась именно этой своей способностью – видеть вещи в истинном свете, замечать лес за деревьями и так далее... Когда мне в моем подкасте приходилось расспрашивать очевидца, я нередко принимала на себя роль «адвоката дьявола», задавая вопросы типа: «Если эта тварь на самом деле живет там, где вы говорите, как в таком случае можно объяснить отсутствие вещественных доказательств ее существования?»

Прижав телефон к уху, я ждала, что? он мне скажет. Эрик (то есть Чарли) был единственным, с кем я поделилась своей гипотезой. Он был единственным, кто знал о полнолуниях, о том, что все случаи исчезновения девочек-подростков связаны между собой. Ему единственному я рассказывала о мейлах корреспондентки под ником ДЕ_МОН.

– Лиззи, остановись! Я тебя прошу!

– Не могу. Я просто не могу, и ты это знаешь. Она заполучила еще одну девчонку.

- Но ты не знаешь этого наверняка. Быть может, это вовсе не она...

- Я знаю, Чарли. Я чувствую...

- Но ведь прошло уже больше сорока лет, - напомнил он. - За это время могло случиться многое. Она могла умереть...

- Нет, она не умерла, - сказала я, и я знала, что не ошибаюсь. Если бы моя сестра умерла, я бы это почувствовала. Обязательно почувствовала. - Она там. И это она забирает девочек.

- Даже если так, - проговорил Чарли, теряя терпение, - то какое отношение это имеет к тебе?

Ну как, скажите на милость, мог сказать такую вещь мальчишка, который когда-то знал о монстрах все, что только возможно?

- Самое прямое, - сказала я гораздо резче, чем намеревалась. - Неужели ты этого не понимаешь? Я должна ехать в Вермонт.

- И что ты собираешься там делать?

На мгновение у меня перехватило дыхание. Что я собиралась делать? Что я надеялась сделать?

Спасти девочку, разумеется. Я должна добраться до места вовремя, спасти девочку и сделать так, чтобы больше ни один ребенок не исчез в полнолуние.

- Ее нужно остановить.

Не успели эти слова сорваться с моих губ, как я поняла: именно это я твердо намерена сделать, сделать любой ценой. Я и раньше говорила себе что-то подобное, но этот раз был другим. Особенным. Да и развязка должна была наступить именно в Вермонте. В этом была своя символичность и... закономерность.

Ты еще не устала от этого? От детской игры в кошки-мышки?

Я хотела объяснить ему все это, поскольку он единственный из всех людей мог бы меня понять, но вдруг поймала себя на мысли, что думаю о нем как об Эрике, с которым мы играли в детстве, а не как о взрослом, одышливом мужчине, которого теперь даже зовут по другому.

К тому же в последнее время Чарли все чаще делал вид, будто ничего не помнит. Уже не раз, когда я задавала ему вопрос о том или ином конкретном событии или поступке, он качал головой и говорил виновато: «Я не помню, Лиззи. Это было так давно!..»

– Как? – спросил он. – Как ты собираешься ее остановить? – Его голос зазвенел от страха, и я снова подумала, что мне не следовало ему звонить. С моей стороны это был чистой воды эгоизм. Или глупость.

– Ты сам знаешь – как, – резко сказала я. – Ты знаешь, что нужно сделать, чтобы остановить чудовище. Ведь ты помогал нам писать нашу книгу, а в ней была об этом целая глава...

Брат молчал. Потом я услышала щелчок зажигалки – Эрик закурил. Вообще-то, он давно бросил, но иногда, когда, как сейчас, нервничал или волновался, брат позволял себе сигаретку-другую.

– Ты совершаешь ошибку, Лиззи, – сказал он наконец.

Я не ответила.

– Пожалуйста, не ездь в Вермонт, – сказал он. – Я прошу тебя. Приезжай лучше к нам, отдохни, расслабься. Мы будем очень рады. Сверчок буквально на днях спрашивала, когда ты приедешь. Девочки тоже здесь, они пробудут с нами до Дня труда, когда Эли нужно будет возвращаться в колледж.

Откровенно говоря, я сомневалась, что Сверчок так уж жаждет меня видеть. В моем присутствии она чувствовала себя так же неловко, как я – в ее. Ох уж эта Сверчок с ее мелированными волосами, с ее фирменными поваренными книгами, с ее красивыми, но практичными нарядами из «ДжейСи-Пенни»[9 - ДжейСи-Пенни – одно из крупнейших американских предприятий розничной торговли, сеть универмагов и производитель одежды и обуви под различными торговыми

марками.]!.. Да и дочери Эрика частенько смотрели на меня как на что-то, прилипшее к башмаку... Для них я была «родственницей с причудами», выжившей из ума теткой, которая навещала их дважды в год и при этом предпочитала ночевать в своем припаркованном у гаража фургоне, а не в уютненькой гостевой спальне, где были наклеены обои с крупными розами, а воздух пропах освежителем с ароматом все тех же роз, что, предположительно, должно было создавать ощущение, будто ты и впрямь ночуешь в саду.

- Да, это было бы очень неплохо... - проговорила я как бы в задумчивости.

- Это было бы просто отлично, Лиз! - Брат не сдержал вздоха облегчения.

- Я приеду к вам, как только закончу дела в Вермонте, - сказала я.

- Но, Лиззи...

- Все, мне пора. Пока, Эрик. - И я дала отбой, прежде чем он успел мне напомнить (как делал это всегда), что он теперь не Эрик, а Чарли.

Ви

- 9 мая 1978 г. —

- Бабушка всегда говорит, этот дом достался ей вместе с работой, - сообщила Ви, показывая Айрис комнаты. Осмотр они начали с кухни: здесь в буфете был специальный ящик, в котором всегда лежало вкусное печенье, а также холодильник, где хранилось мороженое и упаковки фруктового льда.

- На завтрак бабушка готовит нам молочные коктейли, - сказала Ви. - Но это не обычные молочные коктейли, а специальные, полезные для здоровья. Я уверена, для тебя она тоже сделает...

Насколько она знала, другие дети получали на завтрак сухой завтрак «Лаки Чармс» с маршмеллоу или овсянку «Граф Чокула», но бабушка подобной диеты не признавала. Вместо этого она смешивала в блендере сырые яйца, пивные дрожжи, снятое молоко, мороженое или кленовый сироп, куда добавляла порошковые витамины и минералы, и давала внукам каждое утро. «Вот как вам повезло, сорванцы вы эдакие! – приговаривала она. – Какие еще дети едят на завтрак мороженое?»

На рабочем столе булькала тиховарка. Бабушка называла ее своим «волшебным горшочком» и использовала довольно часто. В ней она готовила самые разные блюда, тушила мясо и овощи, готовила касероли и – иногда – крошечные хот-доги в соусе барбекю. Сегодня она остановила свой выбор на шведских тефтелях с порошковым картофельным пюре, которое Ви нравилось больше, чем натуральное, потому что в нем не было комков.

Открыв буфет, Ви показала Айрис, где стоят баночки из-под виноградного желе «Уэлч», которые они использовали вместо стаканов, а также тарелки и миски с узором из ярко-желтых подсолнечников, которые так чудесно подходили к кухонным занавескам.

– Бабушка готовит нам завтрак и ужин, но обедаем мы сами... Не бойся, это совсем не трудно! Обычно мы обходимся бутербродами: хлеб лежит вот в этом ящике, а сэндвичное мясо в холодильнике. Вот арахисовое масло и желе. Иногда бабушка покупает зефирный крем. Ты ведь любишь «флаффернаттеры»[10 - Флаффернаттер – сладкий сэндвич из хлеба с прослойкой из арахисового масла и зефирного хлеба.]?

Айрис посмотрела на Ви так, словно та вдруг заговорила на иностранном языке.

– Между завтраком и обедом, – продолжала Ви, – мы занимаемся уроками. Мы делаем это каждый день, кроме, разумеется, суббот и воскресений. В школу мы не ходим – это называется «получать домашнее образование». Бабушка дает нам задания – прочитать то-то и то-то, решить примеры, написать сообщение, провести исследование... После обеда мы можем читать что-то сверх программы, заниматься своими делами, гулять. Если мы сделали задание, мы свободны и можем делать что хотим! Иногда мы ездим в город, в библиотеку – бабушка нам разрешает. По вечерам она проверяет наши задания и дает новые.

Потом Ви показала Айрис новую хитроумную ловушку, которую бабушка и Эрик установили в кладовке, чтобы поймать Большого Белого Крыса. Ловушка состояла из ведра, деревянной дощечки и маленькой баночки с арахисовым маслом.

– Когда-то он был бабушкиной лабораторной крысой, – сообщила Ви. – Она говорит – более умного животного она в жизни не видела. Потом... в общем, он удрал из лаборатории и живет теперь где-то в доме. Бабушка и Эрик постоянно пытаются его изловить, но он слишком хитер.

Айрис уставилась на пустое ведро, и Ви с воодушевлением продолжала:

– Когда-нибудь ты тоже его увидишь – он иногда показывается. Дня три назад я полезла на полку за глазированным печеньем, и он был там! Но прежде чем я успела его схватить, он юркнул в нору и был таков!

Потом Ви отвела Айрис на закрытую веранду.

– Здесь мы играем, рисуем, лепим и так далее... – Она показала на коробки с настольными играми, стоявшие на полках. – А еще бабушка делает здесь свой джин. – Ви подвела девочку к дистиллятору, который потихоньку пытел. Прозрачная жидкость в большой стеклянной колбе над горелкой медленно кипела, нагретый пар уходил в длинный медный змеевик, чем-то похожий на трассу «русских горок». Конец змеевика присоединялся к другой емкости, в которую по капельке собирался готовый продукт.

– Дистилляция – это просто химия, – объяснила Ви, – испарение и конденсация жидкости, больше ничего.

Рядом с дистиллятором лежала бабушкина «джиновая» тетрадь, открытая на последнем рецепте (№ 180), и Ви пробежала взглядом аккуратные строки, в которых перечислялись необходимые ингредиенты и их количество: можжевеловые ягоды, кориандр, лакрица, лимонная цедра... Здесь же был приведен рецепт браги, которую бабушка делала из кукурузы, яблок и меда, по вдохновению изменяя пропорции и состав.

– Иногда бабушка разрешает нам помочь, и мы взвешиваем ингредиенты на маленьких аптекарских весах с латунными гирьками, – сказала Ви,

принюхиваясь к запахам этих самых «ингредиентов», которые стояли в банках на полках над столом. Здесь были сушеные ягоды можжевельника, лимонные и апельсиновые корки, корица, мускатный орех, ладан, черный перец, фенхель, лимонник и еще какие-то диковинные листья, ягоды и корни. На многих банках этикетки были только с латинскими наименованиями растений, и Ви еще не знала их все. Взяв в руки одну такую банку, она показала ее Айрис:

– Видишь, это название растения на латыни. Бабушка учит меня этому языку, и я уже кое-что знаю. Бабушка говорит, что латынь – это язык науки и медицины. Я хочу стать врачом, когда вырасту, поэтому мне нужно хорошо знать латынь.

С веранды они отправились в гостиную, где стояли телевизор и большой бабушкин стереокомбайн «Магнавокс», в красивом резном шкафчике из темного дерева помещались проигрыватель, радиоприемник и восьмидорожечный магнитофон. В отделении для пластинок лежали диски с записями Шопена, Вагнера, Бинга Кросби, Джулии Эндрюс и бабушкиного любимца Нила Даймонда.

– Бабушке он очень нравится, – сказала Ви. – Она говорит – он очень талантлив. Ты уже слышала его музыку?

И снова Айрис только моргала в ответ. Она прожила в доме уже больше суток, но так и не произнесла ни слова. Она послушно переходила из комнаты в комнату, смотрела, слушала и кивала (или качала) головой, но ее лицо оставалось непроницаемым, так что Ви никак не удавалось догадаться, что Айрис обо всем этом думает. На ней была старая одежда Ви: выцветшие расклешенные джинсы и свитер в красно-белую полоску, который она надела наизнанку и задом наперед, так что ярлык болтался у нее под горлом. На голове Айрис по-прежнему была грязная охотничья шапочка, натянутая на самые уши.

Ви поставила на проигрыватель пластинку Нила Даймонда «Настроение» и опустила иглу.

Некоторое время они слушали «Поиграй со мной» – «...ты – солнце, я луна», но потом, не в силах выносить неловкое молчание, Ви снова заговорила. Ей очень хотелось, чтобы Эрик присоединился к ней и помог развлечь эту странную девочку, но была пятница, а по пятницам брат чистил клетки в «зоопарке» в своей спальне, что обычно занимало у него все утро и еще несколько часов после обеда.

– У бабушки есть несколько старых фотографий Приюта, когда он был просто госпиталем для раненых солдат, – сказала она. – Быть может, она тебе их покажет, если ты захочешь. Я уверена, что в старом доме водятся десятки привидений. Иначе просто не может быть, ведь столько людей умерли когда-то в этих стенах. – Она посмотрела на Айрис, которая таращилась на нее во все глаза. – Но здесь их нет, – добавила она. В этом доме раньше жил начальник госпиталя со своей семьей, а теперь живем мы. Когда бабушка выйдет в отставку – а она говорит, что это будет еще не скоро, – мы съедем и здесь будет жить новый главврач. – Ви улыбнулась как можно небрежнее, хотя говорить подобные вещи ей было нелегко. Она не могла себе даже представить, каково это – навсегда покинуть единственный дом, который она знала. И не имело никакого значения, что следующим главным врачом почти наверняка будет доктор Хатчинс. Напротив, Ви было неприятно думать, что бабушкин заместитель будет завтракать в их кухне и выбросит старые качели с веранды, потому что они скрипят. Доктор Хатчинс не переносил громких звуков, и Ви с Эриком этим пользовались, подкладывая ему на стул подушки-пердушки и взрывая петарды под окном его кабинета.

– Давай возьмем по стакану лимонада и пойдем во двор, – предложила Ви.

В кухне она насыпала несколько ложек порошка в графин, налила воды и размешала. Айрис с таким интересом следила за ее манипуляциями, словно никогда в жизни не видела, как готовят лимонад из порошка. Первые два стакана она выпила сразу же, в кухне, шумно глотая и обливаясь.

* * *

– У нас с братом есть собственный клуб. Ты тоже можешь вступить в него, если захочешь.

Они сидели на качелях на передней веранде. Раскачивая сиденье, Ви отталкивалась от пола ногой, и цепи качелей уютно поскрипывали. Май только начался, но день выдался по-летнему жарким. Остатки лимонада в двух запотевших бокалах стояли рядом на маленьком садовом столике из кованого железа.

– Ну так как? Хочешь? – спросила Ви.

Айрис не отвечала, только смотрела на нее большими, чуть растерянными глазами. Она так и не сняла свою шерстяную шапочку, и Ви могла только гадать, насколько ей, должно быть, жарко. Лоб девочки – белый и гладкий, как мрамор, – блестел от испарины, и по нему сбегали крупные капли пота. На свету было хорошо видно, какая это старая, грязная, заношенная шапка. Ви очень удивилась, что бабушка разрешила Айрис ее носить – даже вчера за ужином она не велела ей снять головной убор, хотя обычно требовала соблюдать все правила: говорить «спасибо» и «пожалуйста», не класть локти на стол, не ковырять вилкой в зубах и так далее. И разумеется, никто и помыслить не мог, чтобы встать из-за стола, оставив что-нибудь на тарелке.

Но бабушка ничего не сказала, сделав вид, будто не замечает этот грязный кусок оранжевой шерсти. А поскольку Айрис молчала, словно немая, ей не пришлось говорить «спасибо» и «пожалуйста», а также поддерживать еще один застольный обычай, согласно которому каждый должен был рассказать остальным, как прошел его день. Во время этих рассказов поощрялось использование новых слов, которые ты узнал за сегодня. Бабушка тщательно следила за их речью, считая, что заучивание новых слов и выражений способствует развитию памяти и мозга в целом. Вчера вечером Ви отличилась, использовав слово «одиозно». «Я считаю, – сказала она, – что стрелять в кроликов, которые пробираются в огород, просто одиозно. И Старый Мак тоже одиозный тип!»

– Наш клуб называется «Клуб монстров», – пояснила она сейчас. – Мы разговариваем обо всяких чудовищах. Каждую субботу мы ездим в кинотеатр для автомобилистов смотреть фильмы ужасов, а потом устраиваем охоту на монстров. А еще мы пишем книгу – «Книгу монстров». В ней мы собираем все-все-все, что нам удастся о них узнать, а Эрик рисует картинки.

Айрис внимательно слушала – даже губу закусил, и Ви показалось, что она заинтересовалась, хотя, возможно, это была просто игра воображения.

– Ну, хочешь вступить в наш клуб? Ты сможешь бывать с нами в кино – кинотеатр открывается в июне, и мы ездим туда на велосипедах. Я могу посадить тебя с собой. – На мгновение она представила себе эту картину: Айрис сидит позади нее на длинном сиденье ее алого «Швинна» и обнимает за пояс, а сама она изо всех сил нажимает на педали.

Айрис нерешительно кивнула, потом еще раз. «Да, да, да». И тут – на этот раз Ви была совершенно уверена, что ей не показалось, – Айрис чуть заметно улыбнулась.

Ви улыбнулась в ответ.

– Отлично. Хочешь посмотреть нашу «Книгу монстров»?

Айрис снова закивала. «Конечно, конечно, хочу!»

– Тогда вот что... У нас есть секретный дом в лесу, это наше клубное здание. Я его тебе покажу, потому что ты теперь тоже член клуба, но ты не должна никому о нем рассказывать, даже бабушке. Договорились?

Предупреждение было чистой формальностью. Бабушка наверняка знала о хижине в лесу. Эрик выкладывал ей буквально все – он совершенно не умел держать язык за зубами. Даже когда он клялся, что не скажет ни слова ни единой живой душе, это ничего не значило: проходило время, и Эрик все равно пробалтывался.

Айрис еще раз кивнула.

– Ну тогда пойдем... – Ви встала и, открыв входную дверь, издала секретный клич «Клуба монстров»: поднеся к губам чуть согнутые ладони, она запрокинула голову назад и трижды прокричала протяжно и громко «Ху-ху-ху!», начиная с низкого воя и постепенно повышая тон. «Ху-ху-ху!» – пронеслось по дому. Ви специально тренировала свой секретный клич, и он получался у нее очень хорошо, но Эрик все равно кричал лучше.

Через пару секунд до Ви донесся ответный зов, а затем и топот ног брата по лестнице.

– Этот сигнал – все равно что пожарная сирена, – сообщила Ви Айрис. – Как только ты его услышишь, сразу нужно бежать в клуб. Бросать все дела и бежать изо всех сил!

Айрис кивнула.

Тем временем на веранду выскочил Эрик. Глаза у него были немного шальными, волосы, как всегда, торчали в разные стороны, а желто-черно-белый полосатый джемпер, делавший его немного похожим на гусениц монарха, которых они иногда находили в зарослях молочая, был в стружках и в грязи.

– Айрис тоже теперь член клуба, – сказала ему Ви. – Теперь мы должны пойти в нашу хижину и показать ей «Книгу».

Эрик не стал задавать вопросов. Он просто прыгнул с крыльца и первым пошел в обход дома к лесу, девочки потянулись за ним. По пути им пришлось пересечь задний двор, покрытый аккуратно подстриженной травкой (Старый Мак косил ее каждую неделю), миновать старый кроличий садок, сарай и кусты можжевельника, которые бабушка посадила, чтобы собирать ягоды для своего джина.

– Как там Джинджер? – спросила Ви. Так они решили назвать раненого крольчонка.

– Очень неплохо. Мне кажется, она даже не замечает швов, но рана, наверное, еще болит. Во всяком случае, она ходит и прыгает... не очень-то уверенно.

Вчера за ужином бабушка разрешила ему оставить кролика, но только до тех пор, пока он не выздоровеет и не станет достаточно большим, чтобы его можно было выпустить.

– Дикие животные плохо переносят жизнь в неволе, – напомнила она, когда Эрик попытался спорить. И она действительно разрешала внуку держать только тех зверьков, которых нельзя было вернуть в дикую природу: тех, у кого были покалечены лапы, сломаны крылья, не хватало глаза, или тех, кто провел в клетке слишком много времени и отвык от жизни на свободе.

Войдя в лес, Эрик, Айрис и Ви двинулись по протоптанной тропинке, которая, петляя, спускалась к подножию холма. В лесу было намного прохладнее, чем на солнцепеке, воздух пах свежей зеленью и перегноем, тополя и березы давали густую тень, и в лесу царил мягкий полумрак.

Так они шли минут семь, держа путь к ручью. Услышали они его раньше, чем увидели: из-за кустов донеслось негромкое журчание воды по песку и камням.

В ручье водились гольяны и раки, а в крошечных заводях стремительно носились по поверхности крошечные жучки-водомерки. По берегам росли папоротники, почву покрывал густой ковер мха, встречалась и скунсовая капуста, которая отвратительно воняла, если на нее наступить или оторвать лист.

Ви очень нравилось ходить к ручью. Самый воздух казался здесь другим, более живым и текучим, к тому же это было их и только их тайное место.

Хижина-клуб стояла на противоположном берегу, и, чтобы добраться до нее, им пришлось прыгать по скользким камням. Домик был невелик – всего десять на восемь футов. Они не знали, кто построил его здесь и зачем, однако ни бабушку, ни кого-либо другого они спрашивать об этом не стали. С тех пор, когда они наткнулись на нее два года назад, это был их главный секрет. От старости хижина заметно накренилась в левую сторону, крыша протекала, половые доски покособились и прогнили. Ви и Эрик положили немало усилий, чтобы привести ее в порядок. Незаметно прокрадываясь в хозяйственный сарай рядом с Приютом, где Старина Мак хранил доски, кровельную дранку, обрезки фанеры, гвозди и шурупы, они потихоньку таскали оттуда нужные материалы. Они брали понемногу зараз, чтобы их не заподозрили, и со временем сумели заменить и прогнившие половые доски в одном из углов, и заделать дыру в крыше.

– Добро пожаловать в «Клуб монстров»! – с гордостью произнесла Ви, распахивая щелястую дверь и жестом приглашая Айрис войти. Та осторожно шагнула вперед, при этом Ви заметила, что дыхание Айрис участилось – она была заметно взволнована и даже как будто слегка напряжена, словно не знала, с чем она может столкнуться внутри.

– Здорово, правда? – сказала Ви и, пригнувшись, тоже вошла в хижину. – И все это наше. Об этой хижине не знает ни одна живая душа, кроме нас троих. Правда, Эрик?.. – И, обернувшись, она многозначительно посмотрела на брата, но тот только кивнул, преданно глядя ей в глаза. Быть может, он действительно не проговорился бабушке, хотя это и было бы настоящим чудом.

Сама хижина представляла собой каркас из бруса два на четыре, обшитый внахлест широкими досками. В стенах были проделаны дверь и два окна, но рамы давно разбухли, покособились и не открывались. Под одним из окон лежал старый веник, с помощью которого они убирали с пола мусор и залетевшие сквозь щели листья. В центре стоял картонный столик и два складных металлических стула. Подоконники и крыша сплошь заросли мхом, но, на взгляд

Ви, это только придавало хижине сходство со сказочным домиком фей. Порой ей даже казалось, что эта хижина не настоящая, что она возникает из ничего специально для них, стоит им только войти в лес.

– Нужно достать еще один стул, – сказала она. – Ведь теперь нас трое.

– В сарае у Старого Мака их полно, – отозвался Эрик. – Садись, Айрис. – Он показал на стул, на котором обычно сидел, и почему-то покраснел. – Если хочешь, конечно... – добавил мальчик негромко.

На дальней, глухой стене хижины висело несколько кривых деревянных шкафчиков, где хранилась кое-какая провизия – галеты, арахисовое масло, большая фляга с водой, а также все необходимое для охоты на монстров: пара прочных кожаных перчаток, компас, увеличительное стекло, фонарик, бинокль, складной нож, несколько острых осинового колья (на случай встречи с вампиром) и небольшой рюкзак, в котором все это можно было носить.

Сейчас Эрик достал рюкзак и принялся объяснять Айрис, что и для чего нужно.

– Еще, когда мы отправляемся охотиться на монстров, я беру с собой свой фотоаппарат, – сказал он. – У меня полароид – это очень удобно. Еще у меня есть старый бабушкин «Инстаматик», но с ним больше возни – приходится отдавать пленку на проявку и так далее. На будущее Рождество я хочу попросить бабушку подарить мне 35-миллиметровый «Никон». Такие аппараты используют все профессионалы, которые снимают живую природу, – например, те, которые работают в «Нэшнл джиографик». Бабушка обещала, что я смогу оборудовать в одной из кладовок в коридоре темную комнату, чтобы учиться самому проявлять пленки.

Ви кивнула в знак согласия.

– Очень важно уметь делать хорошие снимки, которые можно предъявлять в качестве доказательств. Правда, мы пока не видели ни одного живого монстра, но зато мы нашли следы. Вот, посмотри на это... – Она сняла с полки старую стеклянную банку из-под детского питания. Внутри лежала длинная прядь черных волос. – Мы сняли эти волосы с куста чуть ниже по течению ручья, – сказала Ви многозначительно. – Мы совершенно уверены, что это не может быть шерсть никого из животных, которые у нас здесь водятся. – И она протянула

банку Айрис.

– А еще мы видели странные следы ног. Они были похожи на человеческие, но намного больше, и пальцы определенно заканчивались когтями... – (Айрис вздрогнула.) – Да-да, мы видели их собственными глазами! Еще мы записали очень странные звуки – пронзительные вопли и вой, но эти записи мы храним дома: здесь у нас нет магнитофона. Мы дадим их тебе послушать, когда вернемся.

Айрис внимательно рассматривала волосы в банке, вертела ее туда-сюда, встряхивала, как встряхивают «снежный шар». Ее оранжевая шапка по-прежнему была натянута так глубоко, что скрывала верхние кромки ушей.

– Мы отправляемся на охоту за чудовищами дважды в месяц – в полнолуние и новолуние, – продолжала рассказывать Ви. – Это самое подходящее время для охоты.

Айрис глубокомысленно кивнула.

– Нужно показать ей книгу! – взволнованно выкрикнул Эрик и, наклонившись, вытащил из-под столика старый, поцарапанный кожаный чемоданчик. Щелкнув замками, он откинул крышку. Внутри лежали «Книга монстров», большая коробка цветных карандашей, несколько шариковых ручек, ластиков и фломастеров. Сама книга представляла собой старую папку с креплением на кольцах, которую бабушка принесла им из Приюта. Когда-то на корешке была наклеена бумажка с надписью: «Бухгалтерские отчеты. 1973», но они ее оторвали и наклеили новую: «КНИГА МОНСТРОВ». Для обложки Эрик нарисовал свое любимое чудовище – огнедышащую химеру, которая была на треть львом, на треть козлом и на треть – рептилией.

– Ви пишет, а я делаю иллюстрации, – пояснил он, демонстрируя Айрис страницы, посвященные вампирам и правилам охоты на чудовищ. – Вот это вендиго. Эти чудовища когда-то были людьми, а потом сами стали есть других людей... – Он ткнул пальцем в страницу, с которой скалил острые, как иглы, зубы анорексичного вида вендиго, одетый в живописные лохмотья.

– А это вервольф, – сказал Эрик, переворачивая следующую страницу. – Ты наверняка знаешь, кто они такие. Это люди, которые в полнолуние

превращаются в волков. Иногда человек сам не знает, что он вервольф, и это может быть очень опасно.

Айрис посмотрела на рисунок человеческой фигуры с головой волка – глаза пылают красным огнем, с клыков капает кровь – и слегка отпрянула.

– Ты не бойся, – сказал Эрик. – Днем они никому не могут причинить вреда. Кроме того, от них можно защищаться с помощью магии и всякого такого... Мы тебя научим. Мы научим тебя всему, что знаем сами.

Айрис улыбнулась.

– Ты умеешь рисовать? – поинтересовалась у нее Ви, но Айрис покачала головой. – Тогда ты, быть может, поможешь мне с письменной частью? Ведь писать-то ты должна уметь? – И она протянула Айрис красный фломастер и листок бумаги, словно собираясь подвергнуть девочку испытанию, которое та могла и не пройти. На самом деле она не сомневалась, что Айрис умеет писать и читать, но при виде того, как странная девочка сжимает фломастер всеми пальцами одновременно, Ви невольно нахмурилась.

– Попробуй изобразить своего любимого монстра, – предложила она, положив бумагу на столик.

Айрис посмотрела на фломастер, перевела взгляд на чистый лист бумаги и... нарисовала на нем корявенький прямоугольник. В верхней половине прямоугольника она изобразила прямоугольник поменьше, потом немного подумала и нарисовала в верхнем прямоугольнике два маленьких круга.

– Что это? – спросила Ви, искренне озадаченная.

«МОНСТР», – нацарапала Айрис большими кривыми буквами и отложила фломастер.

– Монстр? Что это за монстр? Какой? – продолжала допытываться Ви, но Айрис отвернулась.

– Ладно. – Ви вложила рисунок в папку, закрыла ее и посмотрела на обложку, где было написано: «КНИГА МОНСТРОВ. Автор: Виолетта Хилдрет. Рисунки: Эрик Хилдрет». Потом она взяла черную ручку.

– У тебя есть фамилия, Айрис?

Айрис слегка пожала плечами, потом покачала головой.

– Ну, ничего страшного. – Ви вздохнула и аккуратно дописала под своей фамилией: «Айрис (фамилия неизвестна)». Потом она повернула папку так, чтобы Айрис тоже могла это прочитать, но девочка увлеченно рассматривала вещи в рюкзаке Эрика. Больше всего ей приглянулся бинокль, но что это такое, она, похоже, не знала.

– Это бинокль, – объяснил Эрик и, согнув ладони обеих рук в виде трубок, поднес к лицу. – Прижми его к глазам и поверни регулировочное колесико в центре, чтобы навести на резкость. – Он покачал головой. – Да нет, не так! Если будешь смотреть в большие стекла, предметы будут казаться меньше и дальше, а бинокль нужен нам, чтобы приблизить то, что находится далеко!

Но Айрис продолжала упорно смотреть в бинокль задом наперед, прижимая к глазам линзы объективов. Наведя бинокль сначала на Эрика, потом на Ви, она тихонько хихикнула.

Потом, не отнимая бинокля от глаз, Айрис двинулась по комнате, поочередно наводя окуляры на самые разные предметы – на неровный серый пол, на полки, на затянутые паутиной треснувшие окна. Она смотрела куда угодно, но только не туда, куда шла, и в конце концов ударилась о стол, да так сильно, что он перевернулся. «Книга монстров» свалилась на пол. Сама Айрис тоже не устояла на ногах и, повалившись набок, ударилась головой о стену и негромко вскрикнула, что означало, что она не была совсем немая.

Бинокль выпал у нее из рук, а странная оранжевая шапочка свалилась с головы.

Эрик ахнул.

Ви зажала ладонью рот, чтобы сдержать крик.

Айрис торопливо нашарила на полу шапочку и водрузила обратно на голову, но было поздно. Ви и Эрик увидели...

Передняя часть головы Айрис была чисто выбрита, и ее пересекал широкий свежий шрам, который шел через макушку почти от уха до уха.

КНИГА МОНСТРОВ

Авторы: Виолетта Хилдрет и Айрис (фамилия неизвестна)

Рисунки: Эрик Хилдрет

1978

Если вы подозреваете, что кто-то из окружающих вас людей – монстр, это можно выяснить следующими способами:

Можно обрызгать их святой водой, прикоснуться к ним серебряным предметом или зубчиком чеснока и посмотреть на их реакцию.

Можно проверить, отражаются ли эти люди в зеркале.

Встречаются ли они вам только ночью?

Исчезают ли они неизвестно куда в полнолуние?

Важно также выяснить, с каким монстром вы имеете дело. Изучайте их привычки и маршруты. Выясните, где они живут, чем питаются, какие у них уязвимые места.

После этого можно переходить к разработке плана по уничтожению монстра.

Ви

– 2 июня 1978 г. —

– Ты должна бить в ответ! – воскликнула Ви, начиная терять терпение. Только что она нокаутировала робота Айрис в десятый раз. Они играли в «Роботов-боксеров», с помощью кнопок и рычажков заставляя пластмассовые фигурки наносить друг другу удары. Ви была красный робот, а Айрис – синий, но она почему-то совсем не уворачивалась и не нападала. Когда после выпада Ви голова ее робота подсакивала на стержне блокиратора, она нажимала ему на макушку и дожидалась следующего удара.

Они сидели за столом задней веранды-«солярия», но солнца сегодня не было, поэтому застеленная коричневым ковром комната с горчичного цвета занавесками выглядела довольно мрачно. Только старый диван был накрыт шерстяным покрывалом с подсолнухами, которое связала мисс Эвелин. Висевшие на стенах макраме с бусинами были подарком от бабушкиных пациенток, а на полках стояли кривые глиняные пепельницы и вазы, которые Ви и Эрик сделали своими руками в мастерской Приюта. Ландшафтик с пасущимися на лугу лошадьми, который Ви раскрасила по номерам в прошлом году, украшал простенок между окнами. На столе в углу пыхтел и булькал дистиллятор.

Дождь зарядил с утра. Вскоре он превратился в ливень, а по телевизору, как назло, не было ничего стоящего, кроме сопливых сериалов – «Край ночи», «Когда мир повернулся», «Путеводный свет». Со дня появления Айрис в доме прошел без малого месяц, но она так и не заговорила. Ви даже сомневалась, что когда-нибудь это произойдет, но бабушка была полна оптимизма и советовала набраться терпения и побольше разговаривать с гостьей.

– Бабах! – Ви резко нажала кнопку, и голова синего робота снова взлетела вверх на стержне. Откровенно говоря, такая игра начинала ей надоедать. Какой смысл выигрывать, если твой соперник даже не сопротивляется?

Отодвинувшись от стола, Ви встала и в очередной раз окинула взглядом полку с настольными играми. Они не могли играть в «Морской бой», «Рыбака» и

«Клуэдо», потому что в этих играх нужно было говорить. Они нарисовали бесчисленное количество идиотских рисунков с помощью «Спирографа» и выложили множество узоров из «Мозаики». Они буквально обыгрались в «Операцию», «Голодных гиппопотамов» и в шашки, а потом посвятили добрых полчаса охоте на Большого Белого Крыса – бабушка сказала, что, когда она готовила на кухне кофе, он юркнул в щель между холодильником и столом.

– А можно я оставлю его у себя, если поймаю? – с надеждой спросил Эрик, и бабушка улыбнулась.

– Для этого тебе понадобится построить очень прочную клетку, – сказала она. – Это очень умный Крыс!

Но охота не принесла результатов, и девочки принуждены были вернуться на веранду. Только Эрик еще на что-то надеялся и гремел в кухне ведрами.

– Ну, во что бы ты хотела поиграть? – спросила Ви, вновь обводя коробки с играми безнадежным взглядом.

Айрис только пожала плечами.

Ну, разумеется... Ви уже заметила, что в последнее время их гостя держится даже менее уверенно, чем когда она впервые появилась в доме. По временам даже казалось, что она побаивается Ви. Ви, со своей стороны, до полусмерти надоело вести односторонние разговоры с этой странной девчонкой, и ей все чаще хотелось тряхнуть ее за плечи или, напротив, встать перед ней на колени и буквально умолять о том, чтобы она перестала упрямиться и начала говорить.

Кроме того, Айрис продолжала повсюду расхаживать в этой своей отвратительной оранжевой шапке. Возможно, она и спала в ней – Ви несколько бы этому не удивилась. Одевалась Айрис по-прежнему в ее старую одежду – джинсовый комбинезон и рубашку с длинными рукавами, которую, как и свитер, носила наизнанку. В этой одежде она становилась еще больше похожа на саму Ви, и ее мороз пробирал от присутствия рядом этого молчаливого странного близнеца, который тенью ходил за ней по всему дому.

– Хочешь, пойдём к Эрику, может, он уже поймал Большого Белого Крыса? А если нет – попросим у него разрешения погладить Джинджер!

«Да, – кивнула Айрис. – Да, да!»

Она всегда так отвечала, когда ей предлагали посмотреть кролика.

Поскольку в кухне все уже стихло, они сразу поднялись в комнату Эрика. Его узкая односпальная кровать, бывшая когда-то парной к той, что стояла в спальне Ви, была задвинута к дальней стене и застелена застиранным покрывалом. Рядом с изголовьем стояла тумбочка, заваленная комиксами. Там же стояли заводной будильник с Микки-Маусом, фонарик и фото родителей – такое же, как у Ви. Над кроватью висела полка, прогибавшаяся под тяжестью фотоальбомов, справочников и популярных книг о природе и о диких животных. Сверху на полке стояла модель знаменитого барка «Бигль», на котором Чарльз Дарвин совершил свое знаменитое путешествие. Эту модель бабушка выписала из самой Англии и подарила Эрику на прошлое Рождество.

Все остальное пространство комнаты занимали клетки со зверями. Они рядами стояли вдоль стен и громоздились на полках. В клетках и стеклянных аквариумах жили спасенные из бабушкиной лаборатории мыши и крысы, черепаха с треснувшим панцирем, который Эрик и бабушка починили с помощью клея и проволочных скобок, одноглазая белка, морские свинки, сохранившиеся еще с тех времен, когда бабушка экспериментировала в основном на этих зверьках, несколько ящериц, а теперь еще и крольчонок. Часть пола в центре комнаты занимал мышиный город «Хабитрейл» – система пластиковых труб-тоннелей, соединявших жилые клетки между собой. В городе жили только самки, иначе мыши давно бы расплодились так, что выжили бы из дома его законных владельцев (самцов Эрик держал в отдельных клетках из прочной проволоки). «Хабитрейл» он купил на свои карманные деньги и часто ездил в город в зоомагазин, чтобы приобрести к нему дополнительные модули. Крыса разъезжала по всей комнате в прозрачном пластиковом шаре. Морские свинки свистели и попискивали на разные голоса, белая мышь носилась в скрипучем колесе.

Ви смотрела, как Эрик снимает с аквариума сетчатую металлическую крышку и, протянув руки к Джинджер, негромко приговаривает:

– Все в порядке, маленькая. Не бойся. Никто не сделает тебе больно, мы хотим тебя только погладить.

Наконец он вынул крольчонка, погладил по спинке, и Джинджер от удовольствия закрыла глаза.

Потом Эрик протянул зверька Айрис, которая взяла его очень осторожно. Она обожала Джинджер и не упускала случая поддержать ее на руках, погладить мягкий мех. В эти, и только в эти мгновения Айрис выглядела по-настоящему счастливой. Каждый раз, когда ей приходилось возвращать Джинджер в аквариум, в ней как будто гас какой-то огонек.

И сейчас она тоже очень нежно гладила и укачивала крольчонка, но минут через десять тот начал беспокоиться, вырываться, и Айрис прижала его сильнее. Она держала его так крепко, что глаза у бедняги начали вылезать из орбит, и Эрик, не выдержав, заговорил с Айрис своим тоненьким «кроличьим» голосом:

– Мне очень нравится, когда ты держишь меня на ручках, но я еще очень маленькая, и мне нужно поскорее вернуться в мою клетку, чтобы отдохнуть. Но не расстраивайся, приходи в другой раз, чтобы снова меня погладить, и принеси мне свежего клевера из сада. А сейчас мне нужно отдохнуть!

Айрис несколько раз поспешно кивнула и протянула крольчонка Эрику.

Да, Эрик знал, как успокоить того, кто боится.

– Спасибо! – пропищал он, и Айрис открыла рот, словно собираясь сказать «Не за что!» или что-то подобное, но, как будто вспомнив, что не умеет разговаривать, крепко сжала челюсти.

Эрик усадил Джинджер обратно в аквариум.

Именно в этот момент бог Блестящих Идей послал Ви замечательную мысль, которая словно в комиксах – трах-бабах!!! – сверкнула у нее в голове. Она даже вскочила с кровати, на которой сидела.

– Ну-ка, пойдём! – велела она.

Айрис заколебалась, беспомощно переводя взгляд с Джинджер на Ви и Эрика.

– Пойдем, – сказал и Эрик. – Мы навестим Джинджер попозже.

Айрис кивнула и вслед за Эриком отправилась в комнату Ви.

Когда они вошли, Ви сразу закрыла дверь.

– Садись, – сказала она, кивнув на кровать, но Айрис насторожилась, и Ви, подражая Эрику, добавила спокойно: – Если хочешь, конечно...

Эрик первым сел на кровать и похлопал ладонью по одеялу рядом с собой. Немного поколебавшись, Айрис опустилась на самый краешек. Взгляд ее не отрывался от Ви, но немного погодя она успокоилась и стала оглядываться. Она рассматривала полки, где аккуратными рядами выстроились рассортированные по цветам и размерам тома, окинула взглядом аккуратный стол, на котором не валялось ничего лишнего, – Ви терпеть не могла беспорядка и старалась класть вещи на свои места, чтобы их легко было найти. Стены в спальне были выкрашены в белый цвет, и их девственную чистоту не нарушали ни «красивые» плакаты, ни картины, и даже на полу возле кровати не было ни коврика, ни циновки. Ви считала, что танец теней на стенах – тоже своего рода искусство, и ей было этого достаточно. Мебели в спальне тоже было совсем мало: помимо стола и стула, здесь стояли только кровать, ночной столик и небольшой комод. Кому-то подобная обстановка могла показаться слишком уж строгой для девочки тринадцати лет, но на Ви она действовала умиротворяюще.

Тем временем Ви открыла стенной шкаф и принялась рыться в сложенных у дальней стены коробках, где лежали ее старые игрушки и книги: пластмассовые пони с перепутанными гривами, мягкие игрушки, тряпичная кукла Холли в лоскутном платье, с косичками из пряжи, и игрушечный пистолет, от которого все еще пахло пистонами. Все это были игрушки, из которых она уже выросла, вещи, многие из которых она даже не помнила.

Наконец, на самом дне, Ви нашла то, что искала, и, с торжеством повернувшись к Ви, поглядела ей прямо в глаза – темно-карие, как у нее самой.

«А ведь мы действительно могли бы быть сестрами – эта странная девочка и я», – подумалось ей.

– Вот, это тебе, – сказала она, протягивая Айрис свою находку.

Глаза Эрика радостно сверкнули, и он улыбнулся. «Да, да, да!» – говорило его лицо. Но Ви и так знала, что сделала правильный ход.

Это был игрушечный кролик, мягкий плюшевый кролик. Когда-то он был белым и пушистым, но сейчас посерел, мех местами свался, стеклянные глаза покрылись царапинами. На мгновение Ви стало стыдно. Нельзя же, в самом деле, дарить человеку грязные игрушки, но лицо Айрис вспыхнуло такой радостью, что она не решилась забрать подарок обратно.

– Это перчаточная марионетка, – пояснила она. – Вот смотри... – Ви просунула руку внутрь кролика, задвигала его лапками и наклонила голову, заставив зверька посмотреть на Айрис, которая снова улыбнулась. Ви сняла марионетку с руки и протянула ей.

– Пусть он будет твоим, хочешь?..

«Пожалуйста, пожалуйста, очень хочу!»

Айрис нерешительно протянула руку и, взяв кролика, нежно погладила по мягкой голове, провела пальцами с обкусанными ногтями по мягким ушкам и просунула руку внутрь.

Ви улыбнулась.

– Привет, братец Кролик! – сказала она, и игрушечная голова повернулась в ее сторону.

– Привет, – сказал кролик так тихо, что Ви решила – это ей просто почудилось.

Но ей не почудилось. Айрис заговорила! В самом деле заговорила!

«Не Айрис, – сказала себе Ви. – Кролик». Игрушка, которую она подарила девочке в надежде пробиться сквозь крепко запертые двери.

Она посмотрела на Эрика, у которого совершенно не фигурально отвисла челюсть, а глаза сделались огромными, как у героя мультфильма, который чем-

то до крайности изумлен.

– Как тебя зовут? – спросила Ви, стараясь смотреть только на игрушечного кролика и не смея взглянуть на Айрис, чтобы не спугнуть чудо, не разрушить волшебство.

На несколько секунд наступила такая тишина, что Ви показалось – они все трое затаили дыхание.

– Я не знаю, – прошептал наконец кролик. Его голос был как тихий, жалобный стон.

– Откуда ты? – Ви по-прежнему не смотрела на девочку.

Кролик слегка покачал головой.

– Я не помню, – прошелестел он в ответ.

Ви кивнула. В горле у нее было так сухо, что говорить она не могла. Взгляд ее все так же не отрывался от старой игрушки, но она отчетливо ощущала исходящий от Айрис запах шампуня «Прелл» и мыла «Дайал».

– А что ты помнишь? – спросила она.

И снова наступила пауза. Голова кролика слегка поникла, словно он заснул.

– Темноту, – ответила наконец Айрис. – И голос.

– Голос?

Кролик был неподвижен, вместо него кивнула сама Айрис.

– Голос. Голос доктора Хилдрет.

– Голос бабушки... – сказал Эрик.

– Голос бабушки, – повторила Айрис. Не выпуская кролика из рук, она повернулась к Ви. – Это все, что я помню. Она говорила со мной. Спрашивала, могу ли я открыть глаза.

Ви кивнула.

– Значит, ты не знаешь, как тебя зовут по-настоящему?

– И откуда ты взялась? – добавил Эрик.

Айрис снова покачала головой, так что ее неровно обрезанные коричневатые волосы, торчавшие из-под нелепой шапки, качнулись из стороны в сторону и упали на глаза.

– Когда я пытаюсь вспомнить, у меня начинает болеть голова.

Шепот, которым она это сказала, был таким тихим, что Ви пришлось податься вперед, чтобы что-то расслышать.

– Я помню только, как я очнулась в какой-то комнате, а доктор Хилдрет стояла надо мной и спрашивала, могу ли я открыть глаза. – По щекам Айрис потекли слезы. – Я никто, – добавила она упавшим голосом.

Ви потянулась к ней, но сразу отдернула руку и даже подсунула ладони под себя, чтобы ненароком не прикоснуться к Айрис.

– Каждый из нас кто-то, – сказала она, думая, что эти слова звучат почти как строка из песни Нила Даймонда. – Не бывает, чтобы человек был никто.

Айрис неуверенно кивнула, а Ви задумалась о всех тех вещах, которых не помнила она сама. Какое лицо было у ее матери? Каким был голос отца? Какого цвета у них были глаза? Она не помнила даже, где они жили! В маленьком загородном коттедже с голубыми стенами – говорила бабушка, но Ви не помнила коттеджа.

– Можно спросить у бабушки, – подал голос Эрик. – Уж она-то знает, кто ты такая. Должна знать.

Ви покачала головой.

- Нет. Бабушка ни за что не скажет. Ты сам знаешь - она никогда не называет своих пациентов даже по имени, не говоря уже об остальном.

- Но неужели мы ничего не можем сделать? - огорчился Эрик.

Ви посмотрела на Айрис.

- Мы тебе поможем, - решительно сказала она. - Мы выясним, кто ты такая и откуда взялась.

- А как? - Эрик вытаращил на сестру глаза.

- Пока не знаю точно, но... Ведь бабушка привела Айрис к нам из Приюта, верно? А значит, там должны остаться какие-то документы, история болезни... Что-то должно быть!

Айрис прикусила губу.

- Я не знаю...

- Ты и не можешь знать, - успокоила ее Ви. - Но твоя история болезни где-то должна быть! Если бабушка тебя лечила, она непременно вела какие-то записи, а там может быть сказано, откуда ты попала в Приют, как твоя фамилия и что с тобой случилось

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод З. Александровой (Здесь и далее – прим. переводчика).

2

«Вопросы и команды» – игра для двух и более игроков. Особенно популярна среди детей и подростков. Игроку, до которого дошел ход, дается выбор: правдиво ответить на вопрос, который ему будет задан, или выполнить какое-нибудь задание.

3

Мэри Шелли. «Франкенштейн, или Современный Прометей». (Пер. З. Александровой.)

4

Тиховарка – керамическая толстостенная кастрюля, установленная в корпус с программируемым электроподогревом, предназначенная для томления блюд при сравнительно низкой температуре.

5

Криптиды – животные или растения, существование которых считается возможным сторонниками псевдонаук криптозоологии и криптоботаники, но не признано академической наукой.

6

Плато (горы) Озарк (Озарки) – холмистое плато, большая часть которого расположена в южной части штата Миссури и на севере штата Арканзас. Одно из самых живописных мест в стране. Здесь сохранился традиционный уклад жизни; местные легенды – важная часть американского фольклора.

7

Фонд ТЭД (TED) – американский частный некоммерческий фонд, известный прежде всего своими ежегодными конференциями по технологиям, развлечениям и дизайну.

8

Мэри Шелли. «Франкенштейн, или Современный Прометей». (Пер. З. Александровой.)

9

ДжейСи-Пенни – одно из крупнейших американских предприятий розничной торговли, сеть универмагов и производитель одежды и обуви под различными торговыми марками.

Флаффернаттер – сладкий сэндвич из хлеба с прослойкой из арахисового масла и зефирного хлеба.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhennifer-makmahon/detishki-v-dome-na-holme>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)